

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Ив Престон

#ПОКОЛЕНИЕ
СПРАВЕДЛИВОСТИ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

#ONLINE-бестселлер

Ив Престон

#Поколение справедливости

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Престон И.

#Поколение справедливости / И. Престон — «АСТ»,
2017 — (#ONLINE-бестселлер)

ISBN 978-5-17-098034-5

«Не пытайтесь что-либо утаить от профайлера – это будет расценено как сопротивление Справедливости» – так говорят на каждом тесте, экзамене, собеседовании... И допросе. Мой друг как-то сказал, что страх предстать перед лицом Справедливости навсегда изменил для Свободного Арголиса значение слова «секрет». Но человек не может жить без секретов. Каждый молчит о чем-то своем. Чьи-то секреты опасны, чьи-то совершенно безобидны. Каждому есть что прятать, и я не исключение. Но когда завеса тайны исчезает, приходится иметь дело с последствиями. И никогда заранее не знаешь, насколько разрушительными они могут быть.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098034-5

© Престон И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Часть первая	6
#Глава 1	7
#Глава 2	12
#Глава 3	20
#Глава 4	30
#Глава 5	41
#Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ив Престон

#Поколение справедливости

Серия «#ONLINE-бестселлер»

© Ив Престон, 2017

© М. Козинаки, фотография на обложке, 2017

© А. Шульгина, модель на обложке, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Часть первая
Статус: пациент доктора Константина

#Глава 1

Глаза слезятся из-за едкого дыма, застилающего переулок.

Пуля, просвистевшая мимо уха, окончательно убеждает в том, что стрельба ведется на поражение. Продолжая бежать, я оборачиваюсь, несколько раз стреляя наугад, даже не пытаюсь прицелиться: дымовая завеса надежно скрывает преследователей. Но я все равно прислушиваюсь, в надежде на вскрик раненого – но слышу лишь, как одна из выпущенных пуль задевает кирпичную кладку.

Хриплый голос Альмы в правом наушнике звучит неожиданно громко. «Дальше без меня. Я... Я ранена, – говорит она, задыхаясь, – не могу идти». Эти слова заставляют меня выругаться сквозь сжатые зубы. Пат и Паула остались без прикрытия, и, кажется, мне тоже долго не продержаться...

Петля под выстрелами, удается добежать до угла дома. Сильный рывок – кто-то дергает меня в сторону, швыряя к кирпичной стене. Какого черта?!

– Спокойно. – Передо мной стоит Риц; он тяжело дышит. – Там, дальше, линия огня снайпера. Не пройдем. Сколько шло за тобой?

– Четверо... может, больше. Ни черта не видно, – говорю я, тоже пытаюсь отдышаться. – В переулке задымление, пришлось отстреливаться вслепую.

– Постреляешь еще немного? – Риц ухмыляется. – Снайпер нас не пропустит. Придется возвращаться через этот переулок и идти в обход. Прикроешь меня. – Он переводит оптический прицел своей винтовки в режим тепловидения. – На счет «три».

Но, как только Риц размыкает губы, чтобы сказать «три», все останавливается. Мир вокруг меня застывает в одном мгновении, замирает и сам Риц, – и это может означать только одно: миссия провалена.

Разочарованно застонав, я закрываю глаза. Аккуратно вытаскиваю из ушей уменьшившиеся наушники, жду несколько минут, пока противное головокружение утихнет, и лишь затем снимаю визор. Не самый мягкий выход из рендера. Открывать глаза я не тороплюсь. Тяжело возвращаться в реальный мир – ведь только что благодаря рендеру я вновь стояла на ногах, вновь могла бежать...

Но это были *даже не мои ноги*.

Резко выдохнув, я наконец решаюсь открыть глаза – и в очередной раз отмечаю, насколько блеклым после рендера кажется все вокруг. И дело даже не в цвете – здесь, в «комнате видеонаблюдения», как ее называет Виктор, цвета нет вовсе: светло-серые стены, ровные ряды выключенных экранов над полупрозрачным столом интерфейса, матово-черные высокие блоки серверов, составленные в широкий круг, в центре которого сейчас я нахожусь... Реальный мир, встречающий на выходе из рендера, кажется мне ненастоящим, словно иллюзия, при создании которой что-то потеряли, упустили из виду, не довели работу до конца, – и теперь все выглядит плоско и двухмерно.

Но здравствуй, реальность. Я все еще сижу в кресле-каталке, потому что мои ноги сломаны. Пока что я не способна даже встать – а Кондор сказал, что я вернусь в отряд только тогда, когда смогу выдерживать прежние нагрузки, смогу бегать так же быстро и бить так же сильно, как и раньше. Вдобавок своими неосторожными словами я разозлила его, разозлила *Стратега*, и это стоило мне свободы. Покину уровень, на котором расположен медблок доктора Константина, – и меня сразу же исключат из Корпуса.

Я застряла здесь, но в этом не только моя вина.

Кто-то пытался меня убить.

И этот «кто-то» почти преуспел: после падения с высоты в четырнадцать метров можно и не выжить. Отряд все еще считает, что я пострадала в результате несчастного случая на

тренировке, и лишь одна Солара, наш командир, знает о том, что произошедшее вовсе не было случайностью. Доктор Константин говорит, что мне повезло, легко отделалась, что все могло быть намного хуже...

«Все могло быть намного хуже». Я вымученно улыбаюсь и киваю, когда Константин в очередной раз повторяет эту фразу, думая про себя, что это ни успокаивает, ни облегчает мое состояние. Когда тебе плохо, подобные слова способны вызвать лишь раздражение.

Наушники из комплекта для рендера, лежащие на раскрытой ладони, кажутся всего лишь двумя круглыми кусочками белого пластика, а ведь именно они делают иллюзии рендера такими реалистичными, воздействуя на мозг, дополняя и подменяя сигналы ото всех органов чувств. Но на этом их возможности не заканчиваются – с помощью наушников можно еще и записывать свои ощущения, чтобы кто-то другой потом смог пережить их, как собственные. В памяти сразу всплывает тот день, когда я узнала об этом: Кондор заставил меня сражаться с тремя близнецами. Стоило сойти с мата – и я раз за разом чувствовала чужую боль. Меня передергивает: невольно вспоминается ощущение сломанных ребер.

Пытаясь помочь мне вернуться в отряд, мои друзья нашли интересный способ применения рендера. Берт, маленький умник, создал для этого специальную программу: во время тренировок в рендере кто-то из нашего отряда записывает все, что чувствует, после чего программа синхронизирует данные, полученные с наушников, с видеорядом, вытянутым из памяти визора, – и персональный сценарий для рендера готов.

Так я могу влезть в чужую шкуру. Ходить чужими ногами, смотреть чужими глазами... Только что я была Клодом. Клод гораздо выше меня, поэтому ощущения были очень странными: впервые я могла посмотреть свысока даже на тех курсантов, на которых привыкла смотреть снизу вверх. Но я не просто видела то же, что и Клод, – я дышала вместе с ним, чувствовала, как бьется его сердце, чувствовала, как во время бега болит колено, ушибленное при неудачном приземлении...

На этой тренировке отряд не справился с заданием. Уцелели только Риц и Клод – и, хоть у них и был шанс добраться до контрольной точки, сценарий рендера был прерван. Из семерых членов отряда только двое были способны продолжать бой. Критические потери в личном составе – провал миссии.

Я убираю визор и наушники в чехол, кладу его на колени и осторожно провожу кресло-каталку между двумя серверами, стараясь не зацепить их, выезжая из круга. Подкатившись к столу перед экранами, я отключаю от компьютера «наблюдателя» планшет Берта. В нем хранятся сценарии для рендера, но без мощного компьютера они бесполезны.

Однако я приезжаю сюда каждый день не только ради компьютера.

Снова оглядев комнату напоследок, я в который раз обращаюсь к своей невидимой собеседнице: «Ты здесь? Ты меня слышишь?» – но не получаю никакого ответа.

Две недели. Малодушная молчит уже две недели. Но прежде нам все-таки удалось поговорить.

* * *

В нем есть что-то настораживающее – к такому выводу я прихожу, наблюдая за доктором Константином, за тем, как он работает. Он весь какой-то... ненастоящий? Это точно не самое подходящее определение, он скорее слишком *неестественен*, больше напоминает идеальный в своей сложности механизм, чем человека. Особенно это сходство проявляется в том, как он двигается, как держит себя: *неестественно* выпрямленная спина, *неестественно* четкие, выверенные движения, ни единого лишнего жеста. Напряжение никогда не покидает его, он постоянно собран, как... как...

«Как зверь перед броском», – всплывает у меня в голове странное сравнение. Откуда оно взялось? Я даже не до конца понимаю, что оно значит, но откуда-то знаю, что оно хорошо подходит для описания Константина.

В тот день, когда малодушная впервые связалась со мной, разговор у нас не задался: меня сразил приступ боли из-за того, что я перенесла часть веса на сломанные ноги, чуть было не наступив на них, поэтому пришлось срочно покинуть «комнату видеонаблюдения» и вернуться в медблок. Константин дал обезболивающее, только взяв с меня обещание провести всю следующую неделю не покидая пределов медблока.

О, тот случай по-настоящему вывел его из себя. «Я слишком много времени потратил на твои ноги и не позволю испортить мою работу», – с трудом сдерживаемая ярость почти превратила его голос в шипение. Кажется, я умудрилась задеть Константина за живое. Тогда мне даже показалось, что он отреагировал так бурно из-за того, что слишком ревностно относится к результатам своего труда, но понимание настоящей причины пришло лишь спустя несколько дней наблюдения.

Доктор помешан на порядке: в его медблоке у каждой, даже самой маленькой вещицы есть свое постоянное место. Константин исправил мои ноги, починил меня, *навел порядок*, а я чуть было не нарушила его вновь.

Но, даже несмотря на такой интересный объект для изучения, неделя тянется невероятно долго. Кондор почти не преувеличивал: это место действительно чем-то похоже на тюрьму.

В медблоке есть «часы посещения», и посетитель может быть только один – день, когда меня сюда поместили, был исключением. Константин сказал, что на этом уровне предусмотрена очень сложная система безопасности, и попросил меня составить список возможных посетителей. Вписывая имена членов своего отряда, я вдруг вспомнила день, когда оказалась здесь впервые, очнувшись в этом медблоке после смерти Гаспара, и вслух заметила, что тогда мне удалось уйти отсюда, и никакая система безопасности не пыталась меня задержать. Константин с легкой улыбкой ответил, что покинуть этот уровень очень просто, но вот без браслета, данные которого внесены в систему безопасности, попасть сюда невозможно.

Нет ничего хуже тюрьмы с дверями, открытыми нараспашку.

Я могу покинуть медблок в любое время и отправиться куда угодно – но тогда у меня не останется ни единого шанса на возвращение в отряд. Вспомнив расписание своего отряда, я с грустью осознаю, что каждый день они ко мне придать не смогут: «часы посещения» порой совпадают по времени с тренировками у Кондора. Вдобавок «часы посещения» автоматически отменяются, если доктора Константина нет на уровне, а днем он отлучается довольно часто.

У Константина есть комнаты на уровне Нулевого поколения, что находится прямо над нами, но туда он поднимается только на ночь. Порой бывает так, что я засыпаю, когда доктор еще работает; просыпаюсь – а он уже сидит за своим столом, правда, в другом костюме.

Помимо доктора, здесь еще есть свита – так я называю про себя трех его ассистенток, тихих, невыразительных и незаметных. Они поддерживают порядок в медблоке – действительно, не главному же доктору Корпуса перестилать постели, мыть полы и вытирать пыль. Они приносят горячую еду из столовой Нулевого поколения для меня и Константина. Если же доктор собирается покинуть уровень, одна из них остается на дежурстве, а остальные бросают все свои дела, чтобы пойти вместе с ним.

Все, что может предложить медблок пациенту, – это кровать, небольшая тумбочка для личных вещей и тесный санузел. Мне же предстоит провести здесь два месяца. Константин даже предложил перебраться в жилую комнату свиты, как только немного поправлюсь, но я сразу же отказалась. Черт с ними, с условиями. Константин разговаривает со мной хотя бы

изредка, тогда как свита в своей молчаливости способна сравниться с silentами, которые *вообще не говорят*.

Я пытаюсь отвлечься от осознания собственной беспомощности, изучая лицо одной из них, пока та помогает мне перебраться в кресло-каталку, – но так и не могу уловить ни единой эмоции. Вот кому стоило бы пойти в диверсанты.

Говорю «спасибо», но в ответ получаю всего лишь кивок.

Меня так и подмывало поинтересоваться у Константина, почему его ассистентки такие странные, но сегодня ответ нашел меня сам. Доктор сообщил, что мне придется провести почти весь день в одиночестве, потому что он и его помощницы отправляются на уровень Справедливости, чтобы провести плановый осмотр профайлеров. Вот по какому принципу доктор собирал свою свиту: ему были нужны люди, способные провести целый день в окружении профайлеров, улавливающих каждую мысль, каждую эмоцию всех, кто находится рядом. Теперь понятно, почему свита чем-то напоминала мне silentов, чьи эмоции настолько тихие, что профайлеры на них даже не реагируют.

Константин покидает медблок, и я тяжело вздыхаю: сегодня у Кондора занимается другой отряд, и ко мне мог прийти кто-то из друзей...

Впрочем, есть у меня и другие дела.

Неделя постельного режима, обещанная Константину, истекла. Я могу вернуться в комнату связи.

Я подумала, что у меня будет больше шансов застать малодушную, если приду примерно в то же время, что и в прошлый раз, и сомнениям удастся догнать меня только тогда, когда я уже оказываюсь у двери.

А почему ты, Арника, решила, что там, в другой комнате связи, снова окажется именно та девушка? Что, если малодушные, например, дежурят в комнате связи по очереди и сегодня там будет кто-нибудь другой?

Но я ведь ничего не узнаю, если так и останусь по эту сторону двери, верно? Набравшись решимости, я осторожно заезжаю внутрь, и в помещении тут же загорается тусклый свет. Оглядываюсь по сторонам, не зная, что делать дальше.

– Эй? – Я чувствую себя довольно глупо, обращаясь к пустоте. – Ты здесь?

Никакого ответа.

Я замечаю синюю панель с двумя переключателями, про которую говорила малодушная. Подъехав к ней, я уже наклоняюсь, собираясь включить подачу энергии на компьютер, но тут у меня возникает неожиданная догадка. Убрав руку от панели, я подкатываюсь к столу под экранами и вновь прикасаюсь к нему, активируя интерфейс управления. На гладкой поверхности высвечивается уже знакомая мне надпись: «Работа в аварийном режиме. Подключите основной источник питания». Выждав пару минут, усиленно делая вид, что ищу резервную панель подачи питания, я наконец нахожу ее и щелкаю переключателями.

Интерфейсный стол прекращает мигать, его подсветка становится ярче, и на мониторах поочередно, начиная с верхнего ряда, появляется надпись «нет сигнала». Я перевожу взгляд с одной проступающей надписи на другую, все надеясь, что следующий монитор точно загорится, что я смогу увидеть малодушную...

Двадцать девять бункеров. Двадцать девять мониторов – и «нет сигнала» на каждом.

– Ты снова здесь. – Я не могу сдержать невольный выдох облегчения, когда слышу уже знакомый голос. – У тебя ушла неделя на то, чтобы найти панель питания?

Малодушная заблокировала видеосигнал со своей стороны. Предусмотрительно.

– Я нынче немного неповоротлива, как видишь, – усмехаясь, отвечаю я, и тут же запоздало понимаю, что в саркастичном вопросе звучала и толика беспокойства. Вспомнив, как закончился наш первый разговор, – я покинула эту комнату, чуть не воя от боли, – считаю нужным добавить: – Мне... нездоровилось. Но теперь уже лучше.

– Могу я... – голос звучит нерешительно, – могу я спросить, что с тобой случилось?

– Неудачная тренировка. – Я тяжело вздыхаю, зная, что моя собеседница, скорее всего, не оставит это без внимания, и осторожно осматриваюсь, пытаюсь прикинуть возможное местоположение камеры. Не смогу сосредоточиться на разговоре, пока не пойму, откуда за мной наблюдают. За прошедшую неделю я много раз представляла себе нашу беседу, даже продумала вопросы, которые хотелось бы задать, – и, как назло, все вылетело из головы.

– Аварийный режим, – высказываю я вслух свою догадку, чтобы сменить тему. – Это он привлек твое внимание? Так ты узнала, что я здесь?

Едва слышный смешок подтверждает мое предположение.

Камер две: панорамная над кругом серверов и едва заметная между первым и вторым рядами экранов. Полный охват, никаких слепых зон. Если у малодушной есть доступ к камере на потолке, то мне не спрятаться от ее взгляда.

– Не считая тебя, посетители здесь были только однажды. С одним лицом на двоих.

«На троих», – мысленно поправляю я ее. Близнецы.

– Любопытные. – Девушка неожиданно хихикает. – С такой очаровательной самоуверенностью пытались разобраться, как здесь все работает, в этом зале... Но у них не вышло.

– А ты знаешь? Как здесь все работает?

Очередной смешок.

– Иначе бы меня здесь не было.

– Ты не стала им помогать. Близнецы не знают о тебе, – медленно говорю я. – Никто... никто не знает о тебе.

– Зачем мне было обнаруживать себя? – искренне удивляется малодушная. – Люди говорят множество интересных вещей, когда думают, что их некому услышать.

– Но ты заговорила со мной.

Молчание длится ровно столько, что я успеваю трижды пожалеть о сказанном и испугаться, что малодушная опять отключилась.

– Ты плакала, – наконец отвечает она едва слышно. – А я... Я не из тех, кто остается в стороне, если способен прийти на помощь. Не могу просто наблюдать за тем, как кто-то плачет.

Кровь приливает к лицу. Я так и предполагала, что малодушная выдала себя только потому, что пожалела меня, но сейчас я как никогда понимаю Кондора, который вышел из себя во время нашего последнего разговора; теперь и мне знакомо жгучее чувство, приходящее вместе с напоминанием о моменте слабости.

«Ту мирную жизнь, от которой вы сбежали в антитеррористический отряд?»

Ослепленная обидой, я бросила эти слова в лицо Кондору, даже не думая о том, что говорю. Я не имела права обращать против него слова, услышанные в тот день, ведь тогда Кондор открылся мне, рассказав намного больше, чем хотел бы рассказать кому-либо, – но только потому, что там был профайлер, Агата, которая одним своим присутствием вывернула его память наизнанку.

Один удар от того, кого считаешь если не другом, то союзником, ранит сильнее десяти ударов врага.

Малодушная – враг. Должна им быть. Но почему я не чувствую ни капли враждебности с ее стороны? В ее голосе нет ни настороженности, ни опаски – лишь сочувствие и легкое любопытство.

– Извини, если задела. – Голос малодушной едва слышен. – Думаю, на этом наш разговор стоит закончить.

– Подожди! – восклицаю я, но она успевает отключиться.

Я упустила ее.

#Глава 2

Константину всего лишь двадцать семь, а на его сером отглаженном жилете уже красуется эмблема Главного доктора Корпуса. Но это лишь формальность, ведь на самом деле он Главный доктор для всего Свободного Арголиса. Нападение на город застало нас в научном центре, поэтому среди Нулевого поколения есть и врачи, много врачей – но только у Константина есть очень важное Знание, которым больше не владеет никто. Он не просто доктор, а хирург, единственный хирург в Свободном Арголисе. Это Знание досталось ему от дяди, который умер несколько лет назад, и Константину пришлось занять его место. Для Корпуса он всего лишь выполняет настройку лечебных модулей и руководит плановыми осмотрами, главные же его пациенты – это Нулевое поколение, которые такие же Несовместимые, как и я.

Они редко здесь появляются, но им и незачем, ведь уровень Нулевого поколения находится прямо над нами, и там оборудован собственный медблок, который Константин регулярно навещает. О нем я узнаю из разговора Константина с немолодой женщиной; резкая боль в шее заставила ее спуститься сюда, не дожидаясь очередного визита доктора. Осматривая ее, Константин терпеливо отвечает на вопросы, которые явно звучат не в первый раз: да, приходится работать на техническом уровне, нет, я не могу покинуть этот уровень насовсем, ведь для склада лекарств и для медицинской техники нужна непрерывная подача энергии, а на этом уровне есть резервный генератор, Советник Анна, вы же и сами это знаете, следующий уровень с автономным электроснабжением – это зал Ускорения, а до него вам добираться будет еще сложнее, у вас снова воспаление мышц, держите мазь и наконец-таки отрегулируйте у себя вентиляцию, чтобы ваша шея больше не страдала; нет, простите, с этим я уже помочь не смогу, вам стоит обратиться к ремонтникам.

Советник Анна.

У меня вырывается смешок, и я поспешно закрываю рот рукой: от рабочего места Константина меня отделяет лишь тонкая ширма. Советник Анна. Это она ополчилась против Кондора и стала распускать про него слухи после того, как он отказался распивать с ней чай в приватной обстановке. Берегитесь, доктор.

«Повезло же этим Ускоренным, никаких проблем...» – тяжело вздыхает Советник Анна, покидая медблок.

Повезло ли?

Два часа – именно столько понадобилось Альме, чтобы срастить в модуле ноги, сложенные на неудачной тренировке. Два месяца – столько, если не больше, понадобится мне и любому другому человеку, который не подвергнется Ускорению и поэтому не смог получить профиль совместимости для лечебного модуля. Благодаря технологиям погибшего Тетраполиса Ускоренные срезают путь везде, где это возможно, и даже первые четырнадцать лет жизни проносятся для них всего лишь за два месяца.

Все свои девятнадцать лет я прожила день за днем и сейчас впервые сожалею об этом так сильно. Думая о том, каково это – быть Ускоренной, я порой даже радовалась, что оказалась слишком взрослой для программы. У меня остались обрывки воспоминаний о той, прежней жизни, и самое главное, самое ценное из них – мама; я могу вспомнить ее рядом со мной в научном центре, я могу вспомнить ее здесь, уже сиротом...

Я могу вспомнить день, когда ее не стало.

Появись я на свет на пару лет позже, будь совсем младенцем, когда мы попали сюда, – меня бы поместили в Ожидание, потом отправили бы на Ускорение... И не было бы этих воспоминаний. Я могла и вовсе лишиться прошлого, – как те дети, ускоренные уже после Бунта малодушных, чьи личные файлы в своем большинстве повреждены.

Бунт малодушных случился на девятом году существования Свободного Арголиса, семь лет назад. Мне тогда было двенадцать. А были ли дети среди сбежавших малодушных? Голос, звучащий из динамиков в «комнате видеонаблюдения», явно принадлежит девушке не младше меня. Интересно, она из тех, кто сбежал во время Бунта, или же из числа перебежчиков, о которых говорил Кондор? Она Ускоренная? Или же...

Она может быть одной из Несовместимых. Если она не подвергалась Ускорению, то я ведь могу знать ее, по Школе... Может, мы вместе учились? Она увидела меня здесь, узнала и поэтому решила помочь?

– Кос, нужна твоя помощь! – Я вздрагиваю всем телом, когда чей-то возглас выдергивает меня из размышлений.

Скрежет отодвигаемого стула – Константин резко встает из-за рабочего стола. Слышу шум, но ничего не вижу: если раньше кровати пациентов отделялись от рабочего места Константина старинной резной ширмой, сквозь которую можно было что-то увидеть, то теперь на ее месте стоит тканевая ширма, высокая и даже не пропускающая свет. Я откидываюсь на подушке, сожалея, что ширма стоит слишком далеко для того, чтобы я могла дотянуться и отодвинуть ее.

– Ты в порядке? – Это голос Константина, и он... Он взволнован? Это на него не похоже. – Что случилось?

– Фаррух – идиот. Вот что случилось. – В резком, сердитом ответе я узнаю капрала Линкольн.

Ширму наконец-то отодвигают, и я могу видеть, как два капрала, облаченные в форму с нашивками помощников Справедливости, затаскивают в медблок носилки, на которых лежит...

Профайлер. Худой парень с седыми волосами, на котором почему-то надет визор.

Скрестив руки на груди, Линкольн наблюдает за тем, как капралы переключают профайлера с носилок на кровать и уходят, не произнеся ни слова. Я же смотрю на руку в неаккуратно засученном рукаве белого свитера, которая безвольно свешивается с кровати, почти касаясь пальцами пола. Ее бережно перехватывает за запястье одна из ассистенток Константина, которые вдвоем внезапно материализуются рядом с кроватью, – я даже не слышала, как они вошли.

– Он без браслета, – замечает ассистентка, вопросительно глядя на Константина, а я понимаю, что прежде не слышала ее голоса.

– Это произошло во время активации? – Обращаясь к Линкольн, Константин наклоняется над профайлером, защелкивая на его руке собственный браслет. Девушка качает головой с мрачным выражением лица.

– Уже после. Фаррух додумался перевозить его в одном лифте со свежим силентом. – Линкольн закатывает глаза, увидев явное непонимание на лице Константина. – Позавчера казнили малодушную. Что, опять все пропускаешь?

Все внутри меня замирает. Казнь. «Я спрятал твой секрет» – вот что сразу приходит мне на ум при этом слове, «я спрятал твой секрет» – и малодушный из Нулевого поколения, который знает жесты, что я использовала в работе с силентами; малодушный, который покончил с собой после того, как увидел меня в форме Корпуса в изоляторе Справедливости. Кого же казнили на этот раз? Услышав «малодушная», я в первую очередь думаю о своей собеседнице из «комнаты видеонаблюдения», которая молчит уже две недели, но тут же отметаю эту мысль. Ее не могли поймать. Она в другом бункере. Она молчит всего лишь потому, что не хочет со мной разговаривать.

– Много работы, – лаконично отвечает Константин, опуская взгляд в поднесенный ассистенткой планшет, где сейчас отображаются показатели, считываемые браслетом. – Так что там с Фаррухом?

– Фаррух решил, что если профайлер еще не пришел в себя после активации, то ему все равно, с кем ехать в лифте. Два гудка, электричество отключается, лифт застревает, мальчик приходит в себя, и вот... – Линкольн прерывисто вздыхает. – Боюсь даже представить, что он увидел.

– А что... – Голос звучит хрипло, и я прочищаю горло. – А что он мог увидеть? – спрашиваю с любопытством. – Я слышала, что профайлеры почти не воспринимают чувства силентов... разве это не так?

Линкольн и Константин обмениваются взглядами.

– Не воспринимают, – медленно говорит Линкольн, глядя на профайлера. – Но он столкнулся со *свежим* силентом. Малодушная... она пока еще помнит, как ее казнили, помнит, как становилась силентом. И мальчик прочувствовал каждую секунду ее казни на себе. И...

– Его способности были активированы, но он еще не успел пройти настройку, – заканчивает вместо нее Константин. – Он еще не различает реальность и воспоминания.

Я холодею, лишь на мгновение представив себе, что могла чувствовать малодушная во время казни. Страх. Осознание того, что сейчас потеряешь все, что делает тебя тем, кто ты есть, – а затем красный проциновый туман разъедает твою память и растворяет чувства. И для профайлера все повторяется снова и снова, а он даже не в силах осознать, что это в прошлом, что это произошло не с ним, с кем-то другим...

– Фарруху еще повезло, что после активации он не стал снимать с него ни визора, ни наушников, – замечает Линкольн. – Мальчик вдруг начал задыхаться, кашлять, будто дышит процином...

– И Фаррух догадался схватиться за планшет и отправить его в обморок, – нахмурившись, вновь договаривает за нее Константин. – Не самая лучшая идея. Слишком грубо. Наушники тоже все еще на нем? Сними их, – обращается доктор к своей ассистентке. – И визор тоже.

Я не могу сдержать пораженного выдоха, увидев лицо профайлера целиком. Он еще совсем ребенок, на вид ему и пятнадцати нет. Явно только-только после Ускорения.

– Снотворное из синего флакона, двойная доза, – негромко говорит Константин второй ассистентке, продолжая наблюдать за профайлером. – Проспит часов двадцать. Посмотрим, каким он будет, когда проснется. Кендра займется им.

Линкольн облегченно выдыхает.

– Позаботься о нем, ладно? – Она просительно смотрит на доктора. – А мне пора идти. Нужно устроить взбучку Фарруху.

– Не так быстро. – Константин останавливает ее жестом. – Сначала ты покажешь мне свою левую руку.

Капрал машинально отступает назад, отводя руку за спину, и я вспоминаю, что Линкольн сломала ее в Пляске, когда вдруг включились все четыре сценария.

– Только не говори, что ты уже вернулась к тренировкам. – Константин хмурится. – Рано еще.

– Тогда не скажу. – Девушка беззаботно пожимает плечами.

Гудение – это вибрирует браслет Константина. «Личные апартаменты», – раздается механический женский голос из динамиков планшета в руках доктора. Он на мгновение застывает на месте, и на его лице проступает явная тревога. Он кивает свите, и те начинают суетиться, собирая медикаменты.

– Лотта чувствует себя хуже? – наблюдая за Константином, с беспокойством спрашивает Линкольн. – Очередной приступ?

– Когда я осматривал ее утром, все было в порядке, – отзывается доктор, вытаскивая из ящика стола небольшой кейс с эмблемой Главного доктора Корпуса. На пороге медблока появляется третья ассистентка с похожим кейсом.

– Тогда я загляну завтра...

– Даже не думай. – Выпрямляясь, Константин со строгим видом наставляет на Линкольн палец. – От осмотра тебе не отвертеться. Сядешь и дождешься моего возвращения. Линкольн, это Арника...

– Знакомы, – обрывает его Линкольн. – Беги к Эль, я подожду, – говорит она гораздо мягче, усаживаясь на свободную кровать между моей и той, где сейчас лежит профайлер. Она провожает взглядом ассистенток Константина, которые вслед за ним выходят из медблока.

– Порой они меня даже пугают, – вполголоса признается она сразу же после их ухода. – Настолько невыразительны и незаметны, что моя память наотрез отказывается запоминать их имена. И где только он их нашел...

– Да, свита очень странная, – замечаю я.

– Свита? – поднимая брови, переспрашивает Линкольн.

– Потому что... ну... они везде ходят за ним... – Я заминаюсь, пытаюсь понять, как объяснить это слово, ведь его значение я знаю только примерно.

– Разные книги? – улыбаясь, приходит мне на помощь капрал.

– Разные книги, – с облегчением соглашаюсь я.

«Мы читали разные книги» – фраза, что довольно часто звучит в Свободном Арголисе. Последний Школьный год выдвигает обязательное требование: прочитать пятьдесят две книги, по одной на неделю. Некоторые из них были написаны давным-давно, еще в Старом Мире, и именно они казались мне интереснее остальных, пусть там и встречались слова и выражения, которые сейчас уже не используются. Незнакомые слова можно было поискать в Архиве, но я чаще старалась понять их значение из смысла всего предложения. Истории родом из Старого Мира могли быть разными – серьезными и забавными, веселыми и грустными, – но чтение любой из них заканчивалось для меня тихой печалью о мире, которого больше нет.

В Школе нам говорили, что каждая прочитанная книга – это еще одна прожитая жизнь, и кто-то из моего класса однажды спросил, почему тогда в обязательный список внесены истории, написанные в Старом Мире? Зачем нам жить в мире, которого уже не существует? Если нам нужно узнать как можно больше о внешнем мире, то зачем мы читаем книги, которые дают информацию, утратившую актуальность полтора века назад? Ответ учителя почему-то надолго врезался мне в память.

«С течением времени меняются лишь декорации, но не люди. Люди остаются прежними».

Совет переделывал список обязательных книг из года в год, и это привело к тому, что каждый из нас порой использует слова или выражения, которые могут быть понятны только одному Школьному выпуску. Я как-то спрашивала у Кондора, не будет ли наша речь привлекать ненужное внимание, когда мы окажемся в Арголисе, но он, отмахнувшись, сказал, что первые разведывательные отряды смешаются с общиной ретроградов, а там именно так и разговаривают.

– Как твои ноги? – внезапно спрашивает Линкольн. Очнувшись от воспоминаний, я понимаю, что все это время она с любопытством наблюдала за мной.

Я опускаю взгляд на ноги, которые сейчас не накрыты одеялом, и понимаю, что могло вызвать вопрос: сейчас на них надеты гигантские сапоги, достигающие почти до колен.

– Это на всякий случай. Я... беспокойно сплю в последнее время.

Оказавшись в медблоке, я почему-то стала очень плохо спать. Константин, разбудив меня как-то утром, сказал, что я во сне металась на кровати и непременно свалилась бы на пол, не разбуди он меня вовремя. Доктор предположил, что это, скорее всего, побочный эффект от сочетания лекарств, которые я сейчас поедаю горстями, и сказал, что прерывать курс лечения нельзя и придется потерпеть до его завершения. Затем он откуда-то принес эти странные штуки, похожие на сапоги. Они фиксируются на икрах, позволяя мне самостоятельно перебираться с постели в кресло-каталку. Благодаря им я могу на несколько мгновений встать на ноги, несмотря на переломы, – вся нагрузка моего веса уходит на икры, а ступни даже не касаются пола. Но самое главное: эти «сапоги» устроены так, что если я вдруг ударюсь во сне местом перелома или упаду с кровати, то не причиню никакого вреда ногам.

– Константину давно пора начать привязывать своих пациентов к кроватям, – с усмешкой замечает Линкольн. Я уже хочу ответить, что тогда вообще не смогу заснуть без снотворного, но вдруг понимаю, что капрал сейчас намекает на тот случай, когда я очнулась здесь после нервного срыва и, не дожидаясь доктора, сбежала из медблока, даже не подозревая, что нахожусь под воздействием стаба. Этот побег и привел меня к Линкольн, которая выступила в качестве помощника Справедливости на разборе инцидента с Максом.

– Не могу сказать, что хорошо знаю тебя, – вдруг говорит капрал, поворачиваясь ко мне. – Но ты как-то не сильно похожа на человека, который будет рисковать своей жизнью ради забавы.

– Я сломала ноги на тренировке, – нахмурившись, напоминаю я.

– Я не об этом. – Капрал кивком указывает на мои ноги. – А об этом. – Выразительно глядя на меня, она поднимает поврежденную руку и покачивает ею. – Тебе что, жизнь совсем не мила?

При чем здесь...

О нет.

Пляска. Бешеная Пляска. Вот что она имеет в виду.

– Виктор рассказал? – вылетает у меня, прежде чем я успеваю подумать.

– Виктор знал? – в свою очередь удивляется Линкольн. – Кто бы мог подумать, что он такой хороший лжец. Компьютер полигона зафиксировал браслет с идентификатором курсанта, и, будь Пляска в нормальном режиме, она бы сразу отключилась, так как у тебя нет допуска... – Капрал хмыкает. – Надо же. А ведь Виктор так убедительно делал вид, что впервые слышит о курсанте, который вздумал лезть в сломанную Пляску, и так расстраивался, что мы не можем посмотреть записи с камер, которые отключились из-за сбоя в программе полигона... – Видя мое напряжение, Линкольн ухмыляется, выдерживая паузу, прежде чем сказать: – Тебе повезло, что это обнаружилось только на днях. Формально, ты сейчас даже не курсант, так что за Пляску тебе не влетит. Обычно за поступки такого рода мы снимаем с курсанта баллы, а если что-то подобное повторяется – баллы снимаются уже со всего отряда. В этот раз штраф обойдет тебя стороной, тем более что тебе каким-то образом удалось разозлить Кондора до такой степени, что он отдал приказ, согласно которому тебе нельзя покидать этот уровень, так что... Думаю, ты уже достаточно наказана. Это место действует на нервы, не так ли? – Небрежным жестом она обводит помещение, пытливо всматриваясь в мое лицо.

Немного помедлив, я все же киваю в ответ. Действует. Еще как действует.

– Время здесь течет так медленно, что это сводит с ума, и тебе кажется, словно ты застряла здесь навечно, – нараспев произносит Линкольн, все так же наблюдая за мной. – Я ведь тоже Несовместимая, помнишь? – Девушка вновь хмыкает. – Так что я знаю, что сейчас творится в твоих мыслях. Ты думаешь: «Ну почему, почему Ускоренным для лечения достаточно пары часов, а мне нужны месяцы»? И эти мысли возвращаются к тебе снова и

снова, и снова... – Она подается вперед. – Но тебе стоит помнить, что у Совместимости есть один существенный недостаток.

– Это какой же? – недоверчиво интересуюсь я, и Линкольн улыбается.

– Она дает обманчивое чувство собственной неуязвимости. Хотя, – мне достается скептический взгляд исподлобья, – судя по тому, что ты полезла на заклинивший полигон, тебе оно тоже было знакомо. Впрочем, у таких, как мы с тобой, оно улетучивается после первой же травмы. Отсюда ты выйдешь уже без него, что значительно увеличит твои шансы выжить на поле боя, ведь осторожность – очень важная черта для разведчика-диверсанта.

– Боюсь, что для диверсанта мне сейчас не хватает слишком многого. – Я криво усмехаюсь. – В этом списке есть и более важные вещи, например...

– Нет ничего важнее осторожности, – резко перебивает меня Линкольн. – Только она позволит сохранить жизнь тебе и тем, кто окажется рядом с тобой. Только она поможет дойти до конца нашего пути.

– А как же тогда понять, где заканчивается осторожность и начинается трусость? – спрашиваю я и тут же жалею об этом. Лицо Линкольн меняется, взгляд становится острее, и дежавю, сильнейшее дежавю накрывает меня с головой. Кондор. Я задала ему похожий вопрос – и он запер меня на этом уровне.

Пристальный взгляд Линкольн парализует меня, не позволяя даже шевельнуться, не позволяя произнести ни слова.

– Кажется, я начинаю понимать, почему ты полезла в Пляску, – медленно говорит она. – Ты пыталась сбежать от себя, от своих внутренних демонов, растворить их в адреналине... Ты хотела забыться.

Я холодею. Она может понимать мои чувства, как Несовместимый понимает другого Несовместимого, но это уже гораздо большее, чем обобщенное описание гнетущих ощущений от медблока. Линкольн понадобились считанные минуты и всего лишь несколько моих коротких реплик для того, чтобы влезть в мою голову.

– Откуда... откуда вы знаете? – с большим трудом выдавливаю я из себя.

– Ты умеешь читать лица, – говорит Линкольн. – Ты научилась этому, наблюдая за силентами... А я наблюдала за работой профайлеров. Я умею читать людей. Поэтому знаешь, что я тебе скажу? – Девушка мягко улыбается. – Хватит бежать. Разберись со своими демонами, *курсант* Арника, пока у тебя есть время, потому что следующая попытка побега может стоить тебе жизни.

Я не выдерживаю зрительного контакта и разрываю его, переводя взгляд на свои ноги, но даже так мне не удается избавиться от ощущения, что Линкольн продолжает смотреть куда-то в глубь меня, что она видит все, что я пытаюсь скрыть.

Линкольн слишком проницательна. Слишком.

– Разберись со всем – и возвращайся в Корпус, – договаривает она.

– Не думаю, что Кондор захочет иметь дело со мной после того, что я ему наговорила, – едва слышно признаюсь я.

Смешок.

– Он... отходчивый. Поверь мне, он уже успел много раз пожалеть о своем решении запереть тебя здесь.

– Тогда почему я все еще не могу выбраться с этого уровня? – Вопрос, разумеется, риторический, но Линкольн открывает рот, чтобы ответить.

– Видишь ли... – начинает капрал и тут же замолкает, глядя на меня прищуренными глазами и явно обдумывая, стоит ли говорить вслух то, что она собиралась. – У Кондора сейчас... проблемы, – наконец решается она. – Слишком много глаз смотрит в его сторону.

Я внутренне подбираюсь. Судя по выражению лица Линкольн, случилось что-то действительно серьезное. Может, это как-то связано с малодушной, которую казнили?

– Я знаю, что у Кондора есть недоброжелатели среди Совета и приближенных к нему людей, – осторожно говорю я. Одна из них как раз ушла отсюда незадолго до прихода Линкольн.

– Недоброжелатели – не совсем верное слово. – Линкольн покачивает головой. – Все понимают, что Кондор незаменим. Это позволяет ему диктовать свои правила, ставить свои условия, которые будут неоспоримы. Но... есть люди, которые хотят ограничить его влияние. – Капрал заминается. – Например, командор Бенедикт, мой начальник. Слышала о нем? Я качаю головой.

– Командор Бенедикт руководит помощниками Справедливости и отвечает за полицейский отдел Корпуса. Немного старше Кондора, тоже участвовал в войне Арголиса и Турра, после нее работал в полицейском участке на территории общины ретроградов, – капрал будто зачитывает досье с листа. – Официально он подчиняется Советнику по вопросам Справедливости, но в действительности, скорее, все совсем наоборот. Совет желал бы видеть в качестве Стратега именно Бенедикта, но его Знанию не сравниться со Знанием Кондора. Опыт полицейского против опыта командира антитеррористического отряда... Но командор Бенедикт все равно пытается тянуть одеяло на себя, ведь власть достается победителям, а пока что в случае нашего успеха этим победителем будет Кондор.

Предпоследняя фраза вызывает у меня улыбку.

– А при чем тут одеяло?

– Разные книги. – Линкольн тоже улыбается и тут же вновь становится серьезной. – Бенедикт пытается перехватить инициативу, ослабить позицию Кондора в глазах Министра, в глазах всего Корпуса. И... и, кажется, впервые ему это удалось.

– Как можно ослабить позицию Стратега? – недоверчиво спрашиваю я, вызывая у Линкольн тяжелый вздох.

– Есть вопросы, которыми постоянно задается каждый из нас, – тихо говорит она, глядя перед собой. – Вопросы, которые уже давно не произносятся вслух из-за боязни получить обвинение в лояльности к малодушию. Что сейчас происходит в Арголисе? Каким он стал за эти годы? Может, его уже не нужно освобождать, может, те, кто там остался, уже справились и без нас, и вся наша подготовка не имела смысла, разве ты не думала об этом хоть однажды? – Она вновь обращает взгляд ко мне. – Или же, наоборот, может быть, от нашего города уже остались лишь руины и нам уже некуда возвращаться? – Уголки ее рта печально опускаются. – Пытаясь выяснить хоть что-то, Кондор трижды отправлял разведчиков в Арголис. Никто не вернулся.

– Что, если их схватили? – Мой голос звучит неожиданно хрипло. – Они ведь могли выдать наше...

– Не могли. – Линкольн вновь вздыхает. – Каждый разведчик проверялся профайлерами... – Капрал запинается, закрывает глаза и только потом договаривает: – В том числе и на готовность раскусить капсулу с ядом в случае провала. Три разведывательные миссии – три провала. А Бенедикт... На прошлой неделе он вернулся из Арголиса.

– Что?! – Возглас получается слишком громким. – Неужели четвертая миссия оказалась успешной? – спрашиваю я уже намного тише, несмотря на то, что сейчас на уровне нет никого, кроме нас.

Капрал качает головой.

– Нет. Не миссия, – чеканит она. – Бенедикт действовал самовольно. Он раньше тренировал курсантов, которые рассчитывали попасть в диверсионно-разведывательные отряды, – вот и вытащил из Ожидания четырех «своих» капралов. Все четверо согласились пойти с ним, и никто даже не заметил их отсутствия... Плохая новость: город все еще захвачен. Хорошая новость: мы можем вернуться тем же путем, которым ушли. – Линкольн устало взъерошивает свои короткие волосы. Укол в сердце – жест напоминает мне Берта. – На тер-

ритории общины ретроградов есть несколько подземных ходов, которые ведут за внешние стены города, их когда-то вырыли контрабандисты, чтобы переправлять за внешними стенами всякие незаконные вещицы из общины в общину, минуя центральную часть города. Общины никогда не были особо законопослушными, а вот центр контролировался очень строго... Обязательно попроси Кондора рассказать историю о том, как его отряд ловил этих ребят. – На лице Линкольн проступает усмешка.

– Не думаю, что он захочет рассказывать мне забавные истории из прошлого. – Я не удерживаюсь от тяжелого вздоха.

– Я же говорю, он отходчивый. – Линкольн хмыкает. – Ты ему нравишься. Думаю, Кондор уже и сам понял, что погорячился... вот только приказ уже внесен в систему и принят к исполнению. И он не может отозвать его, только не сейчас, когда Бенедикт наблюдает за каждым его шагом. Если Стратег отзовет собственный приказ, это сразу же привлечет внимание Бенедикта, и ты попадешь в его поле зрения. Он захочет узнать о тебе все, что только можно: кто ты, зачем нужна Кондору... И как тебя можно использовать против него, если возникнет такая необходимость. Люди Кондора, люди, которые ему преданы, сторонники среди Нулевого поколения... У Бенедикта на каждого есть досье.

– И зачем ты мне это говоришь? – Не сразу, но я все же решаюсь задать этот вопрос.

– Я не могу назвать себя человеком Кондора. – Линкольн прищуривается. – Но и не одобряю все эти игры за его спиной. Я уважаю Кондора. Его действительно есть за что уважать.

– Но Бенедикт... он ведь твой начальник.

– Я предана Справедливости, а не тому, кто хотел бы использовать ее в своих интересах. – Повернувшись, Линкольн смотрит на седоволосого юношу, который сейчас мирно спит, и на ее лице появляется улыбка, которую даже можно было бы назвать нежной. – Но знаешь, чем хороша Справедливость? Они, – кивок в сторону профайлера, – они ведь знают о тебе все, им известны все твои секреты, все твои слабости. И они никогда не используют это знание против тебя, если ты, конечно же, не нарушитель закона, – но даже тогда ты получишь наказание в соответствии со своим проступком. Ни больше ни меньше. Поэтому Бенедикту приходится рассчитывать только на себя, но он справляется и своими силами. Он хороший детектив, хороший полицейский. О, он здорово постарался, чтобы утереть нос Кондору! – Неприязнь в голосе Линкольн соседствует со странным восхищением. – Пять дней в Арголисе. Терабайты данных. Обновленные карты территории общины ретроградов – Бенедикт не покидал ее пределов, но сейчас нам и этого достаточно. И это только начало! Он провернул нечто... прежде невообразимое.

– Насколько невообразимое? – живо спрашиваю я, подаваясь к Линкольн.

– Совершенно невообразимое. Внедрение. – Линкольн вновь поворачивается ко мне. – Бенедикт вернулся один. Капралы остались в Арголисе.

#Глава 3

Холодно.

Я медленно иду по темному коридору, ступая босыми ногами по шершавому холоду бетону. Каждый шаг отдается в ногах глухой болью, но я уже привыкла не обращать на нее внимания. На мне – лишь тонкая больничная рубашка, поэтому я обхватываю себя руками, потирая плечи в попытке хоть немного согреться. Холодно...

Понимаю, что заблудилась, только когда коридор, прежде казавшийся знакомым, неожиданно заканчивается тупиком, заставляя остановиться в замешательстве. Куда же мне идти дальше? Заметив неприметную темную дверь с левой стороны от себя, подхожу к ней и дергаю за ручку, ни на что даже не надеясь, – но дверь внезапно открывается, позволяя лучам света вырваться в мрачный коридор. Я захожу внутрь, шурясь и заслоняясь от слишком яркого света, который бьет по глазам, мешая понять, где я оказалась. Свет становится менее ярким – или же глаза постепенно привыкают к нему, – и я убираю ладонь от лица...

То, что я вижу, заставляет тут же броситься обратно к двери, позабыв про боль в ногах, но уже слишком поздно: дверь закрывается с громким хлопком, и я не могу, не могу открыть ее вновь, ведь с этой стороны у двери попросту нет ручки!

Отступив назад, я осматриваюсь в надежде понять, как отсюда можно выбраться. Взгляд падает на кровать, небрежно заправленную серым одеялом. Над кроватью – узкая полка, на которой ничего нет. Взгляд скользит дальше, по стене, на которой что-то нацарапано, и натывается на мягкое свечение силового поля, перекрывающего высокий проем.

Это камера изолятора Справедливости.

Я вновь оборачиваюсь к двери, надеясь увидеть ее открытой, но никакой двери больше нет, с трех сторон меня окружают лишь гладкие стены. Паника уже развернулась в полную силу, сотрясая мое тело крупной дрожью. Подойдя на негнущихся ногах вплотную к силовому полю, я пытаюсь высмотреть, что находится снаружи, и мне удается разглядеть силуэт Фарруха, сидящего за столом с мониторами.

– Меня не должно быть здесь! – кричу я что есть сил. – Это какая-то ошибка!

– Ошибаешься как раз ты, – слышу я голос, и принадлежит он явно не Фарруху. – Это именно то место, где тебе нужно быть.

– Но я ведь ничего не сделала!

Человек встает из-за стола и идет в сторону моей камеры. Он подходит достаточно близко к силовому полю, и, когда на его лицо падает свет из камеры, я застываю как вкопанная.

– Ты ведь ничего не сделала, – повторяет он за мной, подобно эху. Его лицо, его красивое лицо, что так хорошо мне знакомо, искажается гримасой ненависти. – Ты ведь ничего не сделала! – Его яростный крик бьет меня под дых сильнее любого удара.

– Меня не должно быть... – выдохнув, вновь начинаю я дрожащим голосом, чувствуя подступающие слезы, но внезапная вспышка осознания заставляет меня умолкнуть, не договорив. – Нет... Это тебя не должно быть здесь, – выговариваю я с большим трудом. – Ты... ты попросту не можешь быть здесь.

Стоит мне произнести это – и его лицо вновь становится спокойным.

– И я уж точно не стал бы ненавидеть тебя, верно? – Гаспар печально улыбается, отступая назад и скрещивая руки на груди. Я киваю, не в силах вымолвить ни слова. Все, что я могу, – лишь смотреть на него, понимая, что память уже теряет детали, размывая его образ. Я так старательно прятала воспоминания о нем, о том, как его потеряла, что они стали ускользать, растворяться...

Я замечаю какое-то движение у ног Гаспара и опускаю взгляд, чтобы увидеть небольшой огонек, пляшущий на правой штанине его комбинезона.

– Посмотри вниз, – говорю я, но Гаспар меня будто не слышит. – Посмотри на ноги! – Я повышаю голос, но Гаспар все так же продолжает смотреть на меня с печальной улыбкой на губах.

Ужас вырвал мое сердце из груди и засунул в горло, и теперь оно бьется там, больше не позволяя кричать. Я напрасно стучу кулаками по силовому полю – мерцающая завеса беззвучно отталкивает мои руки. Мне никак не помочь Гаспару, я не могу выбраться отсюда, а огонь поднимается все выше, разгораясь все сильнее и сильнее...

– Мне уже все равно, Арника, – шепчет объятый пламенем Гаспар, продолжая смотреть на меня.

Ему уже все равно. Он умер давным-давно, и ты это знаешь, ведь ты уже вспомнила, что потеряла его. Все, что происходит сейчас, – всего лишь твой кошмар, Арника.

Я знаю, что это сон, но понимание этого не делает менее реальным Гаспара, стоящего напротив меня, или же пламя, жар которого я могу почувствовать даже сквозь силовое поле; пламя, которое будто не причиняет Гаспару никакого вреда...

Мгновение – и Гаспар рассыпается облаком праха. Но огонь не исчезает; столп пламени становится еще больше, начиная медленно двигаться в мою сторону. Я отступаю назад, чувствуя бешеное биение сердца, которое стучит так громко, что по камере разносится эхо от его ударов. Я задыхаюсь, словно огонь уже успел выжечь почти весь кислород в помещении.

Откуда-то я знаю, что скоро пламя доберется до меня и никакое силовое поле не в силах остановить его.

Я задерживаю дыхание, зажимаюсь и закрываю глаза ладонью.

Жар опалает мое лицо.

Просыпайся!

Размахнувшись, я с силой ударяю себя по щеке – и жар исчезает. Облегченно выдохнув, я открываю глаза.

Все еще не реальность.

Все та же камера, все то же силовое поле, но по другую сторону стоит уже другой человек.

– Я спрятал твой секрет, – говорит малодушный из Нулевого поколения тем же голосом, что еще недавно принадлежал Гаспару. Кровь, идущая из носа, заливает его светлую рубашку с нашитой эмблемой.

– И где мне его искать? – Я слышу свой голос словно со стороны. – Как его найти? И... нужно ли?

– Я спрятал твой секрет, – упрямо повторяет он, отступая назад. Кровь исчезает с его лица, на малодушном уже другая одежда, комбинезон силентов. И мы меняемся с ним местами – я больше не заперта в камере, я стою снаружи, в коридоре изолятора Справедливости, теперь внутри он. Негромкий стук – к его ногам падает, переворачиваясь, поднос с остатками ужина. Опустив взгляд, я обнаруживаю, что на мне надета тренировочная форма с эмблемой Корпуса. Шорохи позади меня – это Пат помогает Соларе собрать грязную посуду.

Малодушный смотрит на меня. Он знает, кто я такая; он знает, что мне, в свою очередь, ничего не известно о нем, – все это здесь, в его взгляде. И он рад видеть меня.

Это уже не сон. Это воспоминание.

Я знаю, что будет дальше, но уже ничего не могу изменить.

Рука против моей воли поднимается вверх и поправляет эмблему, привлекая к ней внимание малодушного. Он смотрит на нее, затем опять на меня, жмурится, трясет головой, будто надеясь, что откроет глаза – и эмблема исчезнет.

И вот он, этот взгляд, полный обреченности и обвинения, беззвучный крик, что режет по сердцу, и вместе с этим взглядом ко мне приходит внезапное понимание. Я упустила нечто важное, не смогла разглядеть этого прежде, и все потому, что была настолько эгоцентрична, что приписывала себе вину чуть ли не за все беды Свободного Арголиса.

Обвинение малодушного направлено не на меня. Он выносит приговор самому себе. Сейчас он сделает шаг и упадет на пол...

Все, как я помню.

Но мгновение спустя он снова стоит на ногах, глядя на меня, а я поправляю эмблему, он следит за моим движением и снова видит ее, и эмоции, так сильно поразившие меня, вновь возвращаются на его лицо. Воспоминание повторяется, позволяя мне препарировать взгляд малодушного, разложить его на мельчайшие составляющие.

Да, теперь я могу видеть это совершенно отчетливо. Малодушного мучает страшная вина, но почему она настигла его только тогда, когда он увидел на мне эмблему Корпуса? Он смотрел на нее так, словно ее появление на моей одежде – это самое страшное, что могло произойти. Его мир рухнул, но он винит в этом лишь себя.

И он... отчего-то он чувствует себя виноватым передо мной.

Воспоминание повторяется снова и снова, но что-то в нем уже не так, как было прежде, что-то изменилось, появилось что-то еще, что-то постороннее, что-то лишнее...

Кто-то лишний.

Моего лица касается чья-то незримая прохладная ладонь, и я открываю глаза уже в реальности, уже в медблоке Константина.

И рука на моей щеке принадлежит очнувшемуся профайлеру.

* * *

Профайлер сидит на постели, забравшись на нее с ногами. Его взгляд замер на руке, лежащей на моем лице. Мгновение – и юноша приходит в себя, вздрагивая всем телом; его взгляд оживает, начиная хаотично метаться по моему лицу. Я застываю, не зная, что делать.

Он был со мной в изоляторе Справедливости. Он видел все то, что видела я, и это он заиклился воспоминание, заставив его повторяться вновь и вновь. В то время, пока я изучала малодушного, профайлер изучал меня, и теперь он в силах сделать кошмар явью, отправив меня в изолятор.

– Справедливость. – Хриплый голос заставляет меня покрыться мурашками от страха. – Справедливость, – повторяет юноша, словно пробуя слово на вкус.

Даже сейчас, еще не отойдя от кошмара, я понимаю, что с ним что-то не так. Если верить Константину, сейчас этот юноша не видит разницы между реальностью, воспоминанием и фантазией, он даже не способен осознать границы между своим и чужим сознанием, но пристальный взгляд, обращенный ко мне, говорит об обратном.

Удерживая зрительный контакт, я нащупываю в изголовье кровати кнопку вызова доктора и зажимаю ее на несколько секунд, надеясь, что хоть кто-нибудь услышит сигнал тревоги.

– Справедливость, – шепчет юноша, вновь касаясь ладонью моей щеки. Я осторожно отвожу его руку от своего лица, но прохладная ладонь внезапно выворачивается, крепко обхватывая мою, а другой рукой, резко наклонившись ко мне, юноша хватает меня за воротник пижамной рубашки.

– Справедливость, – говорит он, словно умоляя. Он тянется ко мне всем телом, и, стараясь отстраниться, оттолкнуть его от себя, я не беру в расчет то, что лежу на краю кровати: видимо, оказалась здесь, пытаясь защитить свое сознание от вторжения, уйти от прикосно-

вения профайлера. Так, вцепившись друг в друга, мы и падаем на пол – я утягиваю за собой мальчишку, который будто ничего не весит.

Падая, я сильно ударяюсь все теми же ушибленными на тренировке несчастными ребрами, которые только недавно перестали болеть. Но ребра сейчас не волнуют меня так, как ноги. Прислушавшись к ощущениям в теле, я успокаиваюсь: все та же тихо ноющая боль в ногах, никаких изменений. Без защитных сапог, принесенных Константином, я бы уже наверняка корчилась от боли потревоженных переломов.

Повернув голову, я смотрю на профайлера, лежащего рядом со мной.

Черт.

Юноша не шевелится.

Перевернувшись на живот, я подползаю к нему и наклоняюсь к лицу. Ночное освещение слишком слабое, юноша лежит в тени, отбрасываемой кроватью, и это не позволяет мне увидеть, не поранился ли он при падении. Опираясь на одну руку, второй я нащупываю пульс на его шее. Слабый, но все же есть. Осторожно приподнимаю голову юноши, запускаю пальцы в волосы на затылке, чтобы убедиться, что они не испачканы кровью. Сухо. По крайней мере, открытых ран нет.

В помещении неожиданно вспыхивает яркий свет, заставляя меня зажмуриться.

– Что у тебя тут... О нет, – слышу я голос Константина, а затем и вижу его, когда открываю глаза, – взъерошенного со сна, в измятой пижаме, которая сшита из той же ткани, что и моя. Меньше всего сейчас Константин похож на Главного доктора Корпуса – в этой пижаме он выглядит как еще один пациент медблока.

– Что произошло? – спрашивает Константин, останавливаясь у прохода между кроватями. Вопрос звучит нервно. – Что ты с ним сделала?!

– Что я с ним сделала? – возмущенно переспрашиваю я. – Это он зачем-то полез на мою кровать!

– Он же должен был проспать до утра! – Константин запускает пальцы в волосы, взлохмачивая их еще сильнее. Он не двигается с места, и я не понимаю причин его замешательства.

– Я открыла глаза – а он сидит на моей кровати, – говорю как можно спокойнее. – Спросонья я даже не заметила, что лежу на самом краю, и, когда он напугал меня, вцепившись в мою рубашку, мы оба свалились на пол, и он потерял сознание. – Я перевожу дыхание. – Ударился головой, я думаю. – Константин никак не реагирует на мои слова, поэтому я добавляю: – Вам стоит его осмотреть.

После моих слов он отмирает, со странной нерешительностью на лице шагая к профайлеру, а я отползаю в сторону, чтобы освободить ему пространство. Присев на корточки, доктор нащупывает пульс на шее юноши, а затем вновь снимает браслет со своего запястья, чтобы надеть его на профайлера, но не успевает этого сделать.

Я слышу тихий вздох.

– Вот же черт! – восклицает Константин, отдернувшись от лежащего юноши. Поднимаясь на ноги, он пятится назад, не сводя испуганного взгляда с профайлера.

Веки юноши трепещут, он открывает глаза, приходя в себя. Его взгляд, бессмысленный и расфокусированный, блуждает по медблоку, ни на чем не останавливаясь.

– Вы должны помочь ему, – осторожно говорю я, пристально наблюдая за Константином. Нет, мне не показалось – сейчас я отчетливо вижу испуг в его глазах, который становится все сильнее. Это совсем не похоже на того Константина, каким я привыкла его видеть, словно вместе с отглаженным костюмом, что он снял перед сном, на вешалке остались висеть и его спокойствие, и холодная уверенность в каждом действии, которая прежде казалась мне неотъемлемой частью доктора.

– Я... Я не могу. – Константин мотает головой, нервно сглатывая. – Профайлеры... С ними работают только мои ассистентки, – с трудом выдавливает он.

Да что же на тебя нашло, доктор?!

– Так позовите же их! – не удержавшись, восклицаю я, и профайлер дергается от громкого звука. Он поворачивается в мою сторону, и его взгляд фокусируется на моем лице.

– Не могу. – В голосе Константина звучит отчаяние. – Их... их нет на уровне. У нас был очень сложный пациент, и я отпустил их...

– Справедливость, – шепчет профайлер, пристально глядя на меня. Дрожь охватывает его тело.

– Ему становится хуже, – замечаю я вслух. – Похоже, у него начинается приступ... Доктор, сделайте уже хоть что-нибудь!

Константин кидается к своему столу, хватая со стола один из флаконов. Профайлера трясет все сильнее, я слышу, как стучат его зубы. Константин опускается на колени рядом с ним, откручивая крышку от флакона.

– Тебе придется мне помочь, – говорит он. Профайлер отталкивает его руки, пытаясь увернуться. – Держи его!

Мне приходится навалиться на седовласого юношу всем телом, чтобы он перестал дергаться. Глаза профа налиты кровью; его взгляд, устремленный на доктора, совершенно безумен. Константин сдавливает ему щеки, заставляя открыть рот, и осторожно капает на язык три капли, отмеряя вслух. Я чувствую, как профайлер расслабляется, обмякая подо мной. Его взгляд вновь теряет фокус, устремляясь в пустоту.

Константин облегченно выдыхает, выпрямляясь.

– Как же вы можете работать доктором, если боитесь своих пациентов? – спрашиваю я, неуклюже скатываясь с профайлера и вновь соприкасаясь с полом пострадавшими ребрами, которые сразу же отзываются болью. – Вы боитесь его. И боитесь очень сильно. Почему?

– Знай ты, на что он способен, – боялась бы еще сильнее. – Отводя взгляд, Константин криво усмехается.

– Я знаю, на что способны профайлеры. – Я пожимаю плечами, переходя в сидячее положение и поправляя застежку на защитных сапогах, которая расстегнулась, во время возни с профайлером. – Я слышала...

– О да, ты ведь уже слышала *крик*. Ты видела, что Агата сделала с Кондором. – Константин говорит очень быстро, его глаза лихорадочно блестят. – Но это далеко не все... – Он замирает, обрывая фразу на середине, и через мгновение я понимаю причину.

– Справедливость, – слышу я тихий шепот, и моя спина покрывается мурашками. – Справедливость, – повторяет профайлер уже громче. Повернувшись, я вижу, как он приподнимается на локтях. – Справедливость! – Юноша срывается на крик.

– Не сработало, не помогло... Он сейчас закричит, – слышу я тихий голос Константина. Его лицо блее листа первосортной бумаги. – Он сейчас закричит, – повторяет он, и пустой взгляд широко раскрытых глаз извещает меня о том, что у доктора самый настоящий панический приступ. О, эти симптомы знакомы мне слишком хорошо: противная мелкая дрожь, взмокшие ладони, учащенное дыхание и сердце, рвущееся из груди. – Посмотри, если зрачки сузились... Он закричит... Он сейчас закричит...

Я разворачиваюсь к Константину всем телом и, размахнувшись, отвечаю ему увесистую пощечину. Его голова безвольно дергается, и я обхватываю ее обеими руками, заставляя Константина смотреть мне в глаза. Сейчас именно он представляет собой опасность, ведь седовласый уже подхватил его панику, заразился его ужасом и теперь действительно близок к тому, чтобы закричать.

– Он не закричит, – приближая к доктору свое лицо, я отчетливо выговариваю каждую букву. – Ты доктор. Ты знаешь, что нужно делать в таких ситуациях, верно? Верно? – В

остекленевшем взгляде Константина постепенно появляется осмысленность, и доктор мелко кивает несколько раз.

– Верно, – говорит он, все еще задыхаясь. – Я ведь доктор... Я доктор.

– И что ты сейчас должен сделать? – настойчиво спрашиваю я.

– Я... – Константин вздрагивает всем телом, услышав очередное «Справедливость!»

– Смотри на меня! Только на меня! – приказываю я, удерживая его голову, не позволяя повернуться в сторону профайлера. – Как ты сейчас поступишь? Каким будет порядок твоих действий?

– Я... Я должен дать ему стаб... это вернет его к прежнему состоянию... это единственное, что сейчас может ему помочь. Он постоянно повторяет одно и то же, а так быть не должно, что-то пошло не так из-за того силента в лифте, и этот его приступ... – Голос Константина начинает звучать увереннее, избавляясь от дрожи. Он постепенно справляется с паникой, возвращаясь в свою стихию. Врач в нем одержал верх. – Стаб успокоит его, но также заставит забыть последние три дня. Позже ему придется заново пройти активацию. – Доктор морщится. – Линкольн это точно не понравится... но я не вижу другого выхода.

– Хорошо, – терпеливо говорю я, стараясь не обращать внимания на повторяющиеся возгласы профайлера. – Хорошо, – повторяю, отпуская Константина.

Поднимаясь на ноги, он поворачивается ко мне спиной, и не может видеть, с каким облегчением я перевожу дыхание.

Стаб сотрет воспоминания седовласого, в том числе и те, что он каким-то образом смог вытащить из моей памяти во время сна. Проф забудет все, что увидел.

Наклонившись, Константин прислоняет запястье с браслетом к самому нижнему ящику, и тот со щелчком открывается, позволяя доктору достать шприц-пистолет. Константин возвращается к профайлеру, и я вновь наваливаюсь на юношу, обездвигивая его.

– Шея, – отрывисто командует доктор, становясь похожим на привычного себя. Профайлер продолжает сопротивляться изо всех сил, он мотает головой, и мне приходится приложить усилия, чтобы зафиксировать его голову, позволяя сделать укол. Юноша затихает, его дыхание постепенно выравнивается, и он закрывает глаза, проваливаясь в сон.

Константин тоже прикрывает глаза на несколько секунд, медленно выдыхая. Затем он встает, и я наблюдаю за тем, как легко он поднимает заснувшего профа и укладывает его на кровать, накрывая пледом. Подойдя к столу, Константин достает из того же нижнего ящика плоскую бутылку, затем возвращается, опускаясь на пол рядом со мной. Вытянув ноги вперед, он опирается спиной на мою кровать. Отпив из бутылки, доктор протягивает ее мне, и я уже собираюсь взять ее, как вдруг он отдергивает руку.

– Подожди-ка. – Его взгляд поднимается к потолку, и он беззвучно шевелит губами, что-то вспоминая. – Ты ведь уже перестала принимать синие таблетки? – озабоченно интересуется он и, дождавшись моего кивка, вкладывает бутылку в мои руки. – Тогда можно.

Я делаю глоток, морщась, когда горькая жидкость обжигает горло.

– Надо заменить кровати, – рассеянно говорит Константин, похлопывая по боковине моей. – Или бортики приделать...

– Линкольн удивилась, почему ты до сих пор не привязываешь своих пациентов. Стоит прислушаться, доктор. – Я замолкаю, осознав, что обратилась к нему слишком фамильярно. Впрочем, за последние полчаса я успела накричать на него, стать свидетелем панического приступа и ударить по лицу... А теперь мы сидим на полу и пьем из одной бутылки. Пожалуй, сейчас я уже зашла слишком далеко, чтобы вернуться к обращению «доктор Константин».

– Стоит прислушаться... – повторяет он, вновь прикладываясь к бутылке. – Говоришь, он разбудил тебя? – поворачивая голову ко мне, интересуется Константин.

– Мне снился кошмар. – Я нервно сглатываю под пристальным взглядом. – Наверное... мне было очень страшно, и это привлекло его внимание.

– Может быть. – Константин пожимает плечами. – Профайлер, прошедший настройку, никак не отреагирует на спящего. Сны для него бесполезны, ему нужны только воспоминания. А для этого, – доктор кивает в сторону спящего юноши, – для него все одинаково реально.

Константин заблуждается. Профайлер не просто проник в мой сон – он добрался до связанного с ним воспоминания, *реального* воспоминания. Но я скорее откушу себе язык, чем сообщу ему о подобных способностях ненастроенных профайлеров.

Отставив бутылку в сторону, Константин поднимает лежащий на полу шприц-пистолет.

– Как же мы будем работать с профайлерами, когда запасы стаба иссякнут... – бормочет он, рассматривая на свету прозрачную ампулу с остатками зеленоватой жидкости. – Мы ведь до сих пор не знаем, как его синтезировать.

– Настолько незаменим? – интересуюсь я. Константин переводит взгляд на меня.

– Половина ампулы успокоила профайлера, который был уже близок к *крику*, – медленно говорит он. – На твой срыв после церемонии прощания мне пришлось потратить чуть больше четверти. Ты не смогла справиться с болью, причиненной прощанием с тем, кто был тебе дорог, и стаб забрал твою боль, стер ее из памяти. Только он способен на такое.

...А потом я проснулась и решила присоединиться к Корпусу, не имея о нем ни малейшего представления. Этот стаб, который сейчас так расхваливает Константин, привел меня к крайне опрометчивому поступку. А если вспомнить прелесть стаб-конфликта...

Разумеется, я не говорю этого вслух. Мне не хочется перебивать Константина, сейчас гораздо интереснее за ним наблюдать. Я вижу, что паника так и не покинула его, – нет, она просто затаилась внутри, в выжидании подходящего момента. Кажется, будто она лишь вернулась на привычное место, будто она всегда была, есть и будет там, спрятанная за фасадом строгого костюма и выверенных движений. Но что ее породило?

Моя собственная паника выбирается наружу, стоит только взять в руки пистолет. Но сейчас, пока у меня есть время, я собираюсь задать ей трепку и буду упражняться в стрельбе так часто, что рано или поздно паника отступит, сдастся, устав раз за разом хватать меня за горло.

– Эти несколько капель, – Константин вновь возвращается взглядом к жидкости в ампуле, – не способны повлиять на память. Но они могут прогнать все твои тревоги. Один укол – и все, что тебя окружает, вдруг приобретает особую четкость. Ты видишь мир так ясно, как никогда прежде, как будто всю жизнь тебе приходилось смотреть на него сквозь стекла заляпанных очков, а потом кто-то отобрал их у тебя и вернул заботливо протертыми. Все выглядит иначе. Один укол – и внутри тебя все становится на свои места, ты понимаешь то, чего не понимал прежде, решение любой твоей проблемы находится в считанные секунды, и остается лишь удивляться, как же ты не смог догадаться прежде...

– Ты принимаешь его, – перебиваю я доктора, пораженно выдыхая. Сомнений быть не может: только что он описал собственные ощущения.

– О нет. – Константин не отрывает жадного взгляда от остатков стаба в ампуле. Его руки нервно подрагивают. – Больше нет. Но если бы мог, то принимал бы его каждый день.

Я была под остаточным действием стаба, и это совсем не походило на то, что описывает Константин. С доктором что-то не так; в этом идеальном механизме есть какой-то изъян, существенный изъян, а стаб способен устранить его на время. Как же я не поняла этого раньше? Он пытается навести порядок вокруг себя, потому что отчаялся обрести его внутри.

– Как же ты можешь лечить других...

– Если сломан сам? – перебивает меня Константин, и его губы расходятся в улыбке, обнажая ряд ровных белых зубов. Только сейчас, когда он улыбается, я понимаю, что он очень красив: у него мягкие, плавные черты, которые прежде скрывались строгой мимикой, что совершенно не соответствует этому лицу. Пряди темно-рыжих волос сейчас не зачесаны набок, а спадают на лицо, делая Константина моложе своих лет, едва ли не моим ровесником. Он смеется, его смех становится все громче, переходя в хохот. Ужас зарождается внутри меня, когда я вижу, как Константин хохочет, запрокинув голову, как эти чистые, правильные черты искажаются в пугающе безумной гримасе, и это безумие заставляет меня цепенеть, не позволяя даже ударить доктора, чтобы заставить замолчать.

– Разве ты не видишь? – Он захлебывается смехом, выступившие слезы блестят на его глазах. – Разве ты не видишь? – с горечью повторяет доктор, отсмеявшись. – Мы все уже сломаны, – шепчет он, разводя руками, – каждый житель этих проклятых подземелий. Кондор... Он так отчаянно стремится подготовить вас к грядущей войне, он так надеется, что она не сделает с вами того, что сделала с ним... Но эта надежда ослепляет, не позволяя ему увидеть, что это уже произошло. Война уже сломала вас. – Я слышу неприкрытое отчаяние в его голосе. – Все вы живете во имя войны, и другая жизнь вам не знакома.

– Ты говоришь «вы». – Мой голос немного дрожит. – Тогда во имя чего живешь ты?

Долгий взгляд. Константин проводит рукой по волосам, убирая их от лица.

– Может, однажды я расскажу тебе. – Кривая улыбка. – Расскажу, почему перестал принимать стаб. Но не сегодня. – Он прикрывает глаза.

– Тебе нужна помощь, доктор, – тихо говорю я, стараясь не думать, что он может быть прав.

– Никто мне здесь не поможет. Некому. – Доктор хмыкает. – Был у нас тут один мозгоправ, штатный психотерапевт из научного центра, профессионал высшего уровня... Нырнула вниз головой в Просвет на четвертом году существования Свободного Арголиса. И даже присутствие здесь тяжелобольной дочери не убедило ее остаться в этом мире... – Он запрокидывает голову. – Лотта все еще зовет ее во время приступов, отказываясь понимать, что матери больше нет. О девочке заботился мой дядя, – поясняет он, – а теперь, когда его больше нет, о ней забочусь я.

Константин вновь отпивает из бутылки, вспомнив о ее существовании.

– Это было первое самоубийство в истории Свободного Арголиса, – хрипло говорит он. – И оно стало первым звеном в цепи событий, навсегда изменивших нашу жизнь. Когда появились первые седовласые, их посчитали просто неудачей, результатом сбоя в программе Ускорения... – Неожиданная смена темы сбивает меня с толку, я хмурюсь, но Константин предостерегающе поднимает указательный палец. «Слушай дальше», – говорит он своим видом, и я подчиняюсь. – Ускорение даже приостановили на какое-то время. Седовласых стали называть новыми silentami, ведь они тоже не могли говорить. А потом одна из них, прогуливаясь вместе с сестрой по Просвету, стала случайным свидетелем самоубийства, самого первого самоубийства, случившегося здесь. Женщина пролетела десять уровней и разбилась прямо перед седовласой девчушкой, и та потеряла сознание, а когда пришла в себя, то заговорила, озвучивая мысли всех, кто окружал ее. Произошла спонтанная активация, ужас увиденного разбудил ее способности. – Константин вновь отпивает из бутылки. – Сейчас активация проходит в рендере, и я даже не хочу думать, что им там показывают.

Вдруг я вспоминаю о вопросе, которым задавалась уже очень давно.

– Профайлеры кричат, когда видят что-то настолько ужасное, с чем не могут справиться... вроде воспоминаний о войне. – Голос подводит меня, и я прокашливаюсь.

– Настроенные профайлеры, – поправляет меня Константин. – И каждый, кто слышит этот крик, возвращается в свое самое страшное воспоминание.

– Как это работает? – Я поворачиваюсь к Константину. – Все дело в самом звуке *крика*? Это он влияет на мозг, как что-то вроде... вроде... – Я запинаюсь, нужное слово ускользнуло из памяти.

– Вроде какого-то гипноза? – приходит мне на помощь Константин, и я киваю. – Нет, дело явно не в звуке.

Я разочарованно вздыхаю. Крик профайлера стал бы хорошим оружием, если бы его можно было записать и взять с собой в Арголис. Взломать систему оповещения в здании, поставить на воспроизведение зацикленную запись крика профайлера – и пожалуйста, неприятель больше не помеха, ведь он даже не увидит, как ты пройдешь мимо него, застывшего в ступоре...

Как же я хочу обратно в Корпус. Линкольн была права: здесь время течет в разы медленнее, и это сводит с ума.

– Ты могла подумать, что я трус. – Константин не спрашивает, он утверждает. – Или безумец. Или же у меня есть секреты, которые ни в коем случае не должны увидеть седовласые... или же все сразу.

Я уже открываю рот, чтобы прокомментировать его высказывание, но вовремя понимаю, что Константин не ждет моего ответа. Он хочет выговориться.

– Я избегаю профайлеров только потому, что каждый раз, когда вижу седовласых, то вспоминаю первую из них... И то, что она сделала со мной. – Доктор останавливается, чтобы сделать несколько больших глотков из бутылки. Закашлявшись, он отставляет ее в сторону, устремляя взгляд перед собой. – Вернемся на десять лет назад, к Справедливости в самом начале своего существования. Ее восьмое дело, – медленно говорит он. – Как-то в конце смены в медблоке мы с дядей обнаружили пропажу целой коробки сильнодействующего обезболивающего. Камеры наблюдения тогда еще не работали, и нам пришлось созвать всех пациентов за тот день. В комнате были я, как представитель пострадавшей стороны, и три пациента из Нулевого поколения – женщина и двое мужчин, один молодой, другой уже в возрасте. И вдруг тот, который моложе, встает и говорит, указывая пальцем на второго: «А ведь я видел ваше дело, вы еще в Арголисе от наркозависимости лечились». И в этот момент в комнату заходит Мора, красивая девочка в белом платье, с седыми косами на плечах. Обвинитель видит ее, и... – Константин прерывается, закрывая глаза. – Никто об этом не знал, но еще в мирном Арголисе, задолго до того, как оказаться здесь, в бункерах, этот человек изнасиловал девочку, которая была похожа на Мору. Увидев ее, он лишь мельком подумал об их сходстве, но Мора успела поймать эту мысль, успела зацепиться за нее и вытянуть на свет все остальное, всю грязь, что скрывалась в нем. И Мора закричала, но не криком боли, вроде того, что ты слышала от Агаты, нет, это был совсем иной крик – *крик ярости*. Пока... – доктор запинается, его явственно передергивает, но он заставляет себя продолжить, – пока она кричала... мне казалось, я успел несколько раз умереть. С меня будто заживо сдирали кожу, одновременно с этим пытаюсь задушить... Я потерял ощущение времени. Казалось, это продолжалось несколько часов, в то время как ее крик длился считанные секунды. Все закончилось, когда она замолчала и вышла за дверь, как будто ничего и не было. Наверное, мне повезло больше всех, – Константин вдруг нервно улыбается, – отделался всего лишь месяцем заикания почти на каждом слове. Женщина вышла из той комнаты, полностью поседев лет на тридцать раньше положенного, и с тех пор она не могла заснуть без снотворного, немолодого мужчину сразу же на носилках отправили в медблок – он потерял сознание... А насильник покинул ту комнату в мешке для трупов. Мора вынесла приговор и казнила его на месте. Ее *крик* заставил молодое, здоровое сердце разорваться от ужаса. И каждый раз, когда я вижу седовласого, я вспоминаю тот день.

Я замираю, когда меня накрывает понимание. Мора смогла направить *крик* на того, кому он предназначался. Но профайлер, увидев воспоминание Константина, мог попросту повторить ее крик, откликаясь на него, и тогда...

Мы могли погибнуть.

– Как же ты их лечишь? – потрясенно спрашиваю я. Почему он не отказался от работы со Справедливостью?

– Убедившись, что они крепко спят. – Константин снова хмыкает. – Иначе... ну... – нечетким, размашистым жестом он обводит медблок, – ты видела. После случая с Морой отделение Справедливости закрыли на полтора года и открыли вновь только когда обнаружили запасы стаба и когда удалось выработать механизм «настройки», способ обучения профайлеров, благодаря которому седовласые стали той Справедливостью, которую мы сейчас имеем. Настроенные профы кричат, только если боль от чужих воспоминаний становится нестерпимой. *Крик* помогает им избавиться от нее.

– Когда кричишь, не так больно. – Мой голос отчего-то звучит хрипло, когда я повторяю фразу, дважды слышанную от Кондора, и доктор кивает, соглашаясь с моими словами.

– Настроенные профы понимают, что реально, а что – нет. У них есть общая система для оценки, система координат, единая для всех, и они точно знают, что их обязанность – лишь выносить вердикты. Но это, – Константин показывает пальцем на спящего юношу, – это *не настроенный* проф.

«Он мог убить нас», – вертится у меня в голове, и я нервно сглатываю.

– Так кто все-таки украл те обезболивающие? – вдруг вспомнив, спрашиваю я, чтобы отвлечься.

– А я разве не сказал? – Константин удивленно смотрит на меня. – Дядя потом вспомнил, что отнес их в другой медблок.

#Глава 4

Месяц.

Я провела здесь уже целый месяц. Если верить Константину, то уже совсем скоро я встану на ноги, после чего начнется восстановительная терапия, а там и до возвращения в отряд недалеко...

Все это время малодушная молчит. Я зову ее каждый раз, когда прихожу в «комнату видеонаблюдения» посмотреть в рендере очередную запись тренировки, но в ответ получаю лишь тишину, разбавляемую едва слышным гудением серверных блоков, составленных в круг в центре комнаты. С каждым днем я все больше привыкаю к тишине, и этот звук становится все заметнее для меня. Я даже несколько раз отключала подачу энергии, чтобы перевести систему связи в аварийный режим, помня, что именно так мне удалось привлечь внимание малодушной в первый раз. Бесполезно.

Не могу отделаться от ощущения, что все это время малодушная наблюдает за мной, что она сидит где-то там, в точно такой же комнате, что и эта, и тихонечко посмеивается в кулак, наблюдая за тем, с каким глупым видом я раз за разом обращаюсь к пустоте. Порой даже кажется, что я могу почувствовать ее незримое присутствие: по спине внезапно пробегают мурашки, хорошо знакомые мне по первым дням в Корпусе, когда в столовой приходилось есть под прицелом множества пристальных взглядов.

...Или же мне отчаянно хочется верить, что там, по ту сторону сигнала, есть кто-то, присматривающий за мной, ведь так я могу думать, что не одинока в этом мрачном месте.

...Или же я постепенно начинаю сходить с ума.

Наверное, сейчас мне бы не помешала помощь мозгоправа, как его назвал Константин. По словам Линкольн, Кондор собирался лишь слегка припугнуть меня изоляцией, отдав приказ, согласно которому мне нельзя покидать этот уровень; приказ, который должен был быть отменен несколько дней спустя, но возвращение Бенедикта связало Кондору руки. Из нескольких фраз, вскользь брошенных Линкольн, я поняла, что Кондор даже чувствует себя виноватым, ведь он не собирался запираить меня здесь, и он как никто другой понимает, как тяжело может быть в изоляции. Конечно, меня порой навещают друзья и я общаюсь с Константином, поэтому это нельзя назвать изоляцией в полной мере, но я вырвана из среды, которая уже стала для меня привычной, а физическая слабость лишь усугубляет мое состояние.

Это не остается незамеченным для Константина, поэтому порой он даже пытается как-то меня поддержать. В свободные минуты он порой помогает мне разобрать особо сложные темы с лекций по полевой медицине. Впрочем, в первое время после ночного инцидента с профайлером рядом со мной Константин чувствовал себя очень неловко. Доктор явно был смущен тем, что я стала свидетелем его неспособности справиться со своей работой, что я видела, как в идеальном механизме произошел сбой, поэтому он слишком очевидно пытался избежать общения со мной, стараясь как можно реже появляться в медблоке. В Свободном Арголисе вдруг начался внеплановый переучет всех лекарственных средств, за которым последовали столь же внеплановая инспекция всех медблоков и проверка лечебных модулей. На внеплановую инвентаризацию Константина уже не хватило, и все медики Свободного Арголиса облегченно выдохнули, когда он решил вернуться к привычной работе. Но я продолжала порой ловить на себе настороженные взгляды, и поэтому всем своим поведением предлагала ему негласную договоренность: не вспоминать о том, что произошло. Константин согласился принять ее не сразу – я видела, что он еще некоторое время продолжал ждать подвоха с моей стороны, внезапного удара в спину.

Элегантный костюм с докторской эмблемой на жилете, халат без единой складки, волосы, разделенные ровным пробором и зачесанные набок, – безупречный внешний вид для Константина играет роль резной рамы, что удерживает расколотое зеркало, не позволяя ему осыпаться осколками на пол. Я все чаще думаю о том, что Константин был прав, что все мы точно такие же, как и он, – треснутые зеркала. Чьи-то трещины едва заметны, чьи-то уже настолько велики, что в таком зеркале вместо отражения можно увидеть лишь причудливый набор цветных пятен, и с каждым годом, проведенным здесь, вдали от дома, трещин становится все больше...

Слишком много времени в одиночестве, слишком много размышлений; мои мысли полнятся странными образами, странными идеями и странными сравнениями. Некоторые и вовсе словно принадлежат не мне, а кому-то другому, кому-то прежде незнакомому. Никогда прежде я не оставалась так надолго наедине лишь с собой. Теперь я будто вижу себя, все свои прежние поступки со стороны и понимаю, сколь ошибочны были мои представления о себе.

Я совсем не тот человек, каким себя считала.

Вот только раньше я не могла заметить этого, ведь мне было совсем не до каких-либо размышлений. Будучи Смотрителем, я проводила каждый свой день в тревоге, в постоянном напряжении, ведь на мне лежала ответственность за два десятка жизней. Беспокойство за силентов не покидало меня ни на мгновение, я была готова сорваться с места в любую секунду, чтобы предотвратить возможный несчастный случай. Когда я оказалась в Корпусе, это напряжение лишь изменило свой характер. Мне нужно было оправдывать чужие ожидания, справляться с неприязнью курсантов и думать о том, как удержаться в Корпусе. Кондор присвоил мне статус Носителя знания – и все стало только хуже...

Но сейчас я больше не Смотритель, не курсант и не Носитель знания. Всего лишь пациент. Никаких требований, никаких ожиданий, никакой ответственности.

Никакого напряжения.

Я сама не заметила, как напряжение стало неотъемлемой частью моей жизни, но теперь, когда оно исчезло, я могу увидеть то, чего не замечала. Реакция – вот что определяло меня прежде. Берт как-то сказал, что, даже надев форму Корпуса, я осталась Смотрителем. Я думала как Смотритель и поступала как Смотритель; действовала, не задумываясь о возможных последствиях, и каждый мой поступок был всего лишь реакцией на происходящее. Но образ мышления Смотрителя, который привык лишь к видимой опасности, к опасности, которая существует только здесь и сейчас, непригоден для курсанта, а для диверсанта-разведчика и вовсе обозначает верную смерть.

Мысли, мысли, мысли... Я очень плохо засыпаю – множество мыслей вертится в голове, не позволяя провалиться в сон. Когда-то с этой проблемой мне помогал справиться бег в Просвете – оказавшись в постели, я засыпала почти сразу же, лишь с одной мыслью, повторявшейся изо дня в день: только бы завтра все прошло спокойно, без происшествий, только бы никто из силентов не пострадал... В Корпусе из-за выматывающих тренировок мы к вечеру уставали так сильно, что засыпали, едва оказавшись в постелях, и проблемы со сном были только у Альмы.

Напряжение не оставляло мне времени, отсекая все, в чем не было жизненной необходимости, и сейчас, с его исчезновением, на меня будто обрушились все те мысли, от которых я успешно сбегала долгие годы. Им наконец-то удалось меня догнать.

Когда я понимаю, что заснуть в ближайшие часы точно не удастся, то пытаюсь решать задачи по тактике, читаю лекции, принесенные друзьями, выписываю все, что кажется непонятным, составляя список вопросов, чтобы потом не тратить «время посещения» напрасно, ведь друзья приходят не так уж и часто: расписание отряда заметно усложнили. Солара, забежавшая на прошлой неделе с новой порцией лекционного материала, рассказала мне, что после возвращения Бенедикта из Арголиса многое изменилось.

За то время, что я нахожусь здесь, прошло уже четыре проциновых казни. За месяц казнили вдвое больше, чем за весь прошлый год.

Все четверо пытались сбежать, чтобы присоединиться к малодушным. Трех поймали еще на стадии подготовки побега – они пытались разузнать, как можно связаться с малодушными, ведь без их помощи, без их карт подземного города из нашего бункера есть только один выход – наверх, на поверхность, в мертвый Терраполис. Путь, ведущий в один из трех соседних бункеров, был известен только команде Линкольн, которая пытается выйти к бункеру с автопарком.

Четвертому предателю почти позволили сбежать, чтобы проследить за ним и выяснить, как малодушные вербуют людей и кто за этим стоит. Его поймали уже в соседнем бункере, в который он попал путем, прежде неизвестным, но даже это не помогло найти пособника малодушных – Справедливости удалось выяснить только то, что с беглецом связывались с помощью сообщений на информационных терминалах, расположенных в Архиве и по одному на каждом уровне.

Из слов Солары становится ясно, что все считают, будто у малодушных есть пособники среди нас, один из которых и отправлял сообщения потенциальным беглецам. Мне же известно, что среди малодушных есть люди, которым удалось разобраться в устройстве системы связи, с чем не справились даже близнецы. Они наверняка способны взломать наши терминалы... Впрочем, и пособник наверняка есть, ведь малодушным каким-то образом удалось узнать, что кто-то из нас хочет к ним присоединиться.

Какой же самонадеянной я была, когда полагала, что у меня получится установить контакт с малодушной! Что мне удастся разговаривать с ней, чтобы позже попробовать организовать переговоры, попутно выяснив, как с малодушными был связан тот казненный ученый... Нужно было сразу сообщить в Справедливость о том, что я случайно нашла комнату связи, и о своих разговорах с малодушной. Я промедлила, но у меня все еще есть оправдание, ведь у меня не было возможности обратиться в Справедливость, так как мне запрещено покидать уровень...

Внезапно я осознаю, что оправдания у меня больше нет. *Возможность была.*

Линкольн.

Линкольн – помощник Справедливости, ее официальный представитель. Она была здесь, в медблоке, и она разговаривала со мной. У меня была возможность сообщить ей о малодушной, но ее рассказ о Бенедикте перетянул на себя все мое внимание.

Вылазка Бенедикта встряхнула весь Свободный Арголис. Никогда прежде возвращение домой не казалось таким близким. Мы получили то, чего у нас не было долгие годы, – определенность. Теперь нам известно, что настоящий Арголис за время нашего отсутствия не превратился в руины. У нас все еще есть дом, и теперь мы знаем, что он все еще захвачен, что наши близкие нуждаются в спасении; мы знаем, что годы, ушедшие на подготовку армии, не были потрачены зря, знаем, что сражение за Арголис неизбежно и что оно состоится совсем скоро.

Определенность – вот что подтолкнуло четверых жителей нашего города к малодушью.

Меня прошибает потом, когда думаю о том, что меня тоже могут посчитать пособником малодушных. Если я окажусь на допросе Справедливости, то могу провести остаток своих осознанных дней в изоляторе. Но если я, как только поправлюсь, сама приду в Справедливость и расскажу им о том, о чем молчала все это время, начиная с момента казни ученого, то смогу избежать ярлыка «малодушная». Чистосердечное признание – слишком смелый поступок, а смелость малодушным не присуща...

...Впрочем, как и тебе, Арника.

Горько признавать – и уже не впервые – что во мне тоже есть частицы малодушия, потому что сейчас я надеюсь, что Линкольн больше не придет в медблок и признание можно будет отложить до моего полного выздоровления. Горько признавать, что я боюсь того, чем мне грозит это признание.

Но больше всего страшит секрет, спрятанный ученым, о котором мне до сих пор ничего не известно. Узнав о нем, Справедливость будет искать его и рано или поздно отыщет.

Чем это обернется для меня?

* * *

Ткань, пропитанная кровью, хрустит под острыми лезвиями ножниц, которыми я разрезаю штанину. Перед глазами все расплывается, терпкий запах крови забивается в ноздри. Я приказываю себе сосредоточиться. Судя по тому, как вытекает кровь из входного отверстия, бедренная артерия не задета.

Выживу.

Но вот пулю придется вытаскивать самостоятельно.

Надев перчатки, протираю антисептической салфеткой кожу вокруг раны, убирая кровь. Вытащив из аптечки самый большой флакон, открываю его и выливаю треть жидкости на рану, стараясь, чтобы как можно больше попало внутрь. От контакта с кровью жидкость приобретает зеленый цвет и начинает обильно пениться, очищая рану, вынося из нее волокна форменной ткани и весь затянутый вместе с пулей мусор. Шипение кажется слишком громким, но с ним приходит облегчение, боль затихает – в этой жидкости еще и мощная доза обезболивающего, вдобавок начинает действовать укол, сделанный ранее. Достав из аптечки маленькую спринцовку, пытаюсь хоть немного осушить рану. Руки никак не могут перестать трястись.

Теперь самый неприятный момент.

Тошнота подступает к горлу, когда я медленно засовываю в рану палец, затянутый в тонкую перчатку, пытаюсь нащупать пулю, чтобы понять, как глубоко она застряла. Больше всего на свете сейчас хочется зажмуриться. Было бы проще, если бы пуля прошла навылет, но нет, на ее пути возник щиток, который не смог остановить ее, только затормозить. Поэтому пуля сидит неглубоко. Найдя ее, я убираю палец и запускаю в рану пинцет, невольно задерживая дыхание. Наконец мне удается подцепить пулю и я вытаскиваю ее. Выдох облегчения. Самое сложное позади.

Чистой салфеткой убираю кровь вокруг отверстия, затем достаю из аптечки пакетик с синим порошком, зубами отрывая уголок. Щедро посыпав рану порошком, я вновь беру большой флакон, выливая на ногу то, что в нем осталось. Порошок вступает в реакцию с жидкостью, которая вновь начинает шипеть и пузыриться, но теперь пена имеет бледно-розовый цвет. Операция без скальпеля – сейчас эта пена уничтожает омертвевшие ткани. Еще одно гениальное изобретение Тетраполиса.

Но запах крови почему-то становится лишь сильнее, кажется, я даже могу ощутить ее вкус... Да нет же, *не кажется*: я прокусила губу, даже не почувствовав этого.

Резкий писк заставляет меня вздрогнуть от неожиданности. Он повторяется с небольшими промежутками, становясь все громче и протяжнее. Откуда он идет? Я не вижу ничего, что могло бы быть источником звука, который так сильно режет уши. Спустя полминуты уже начинает казаться, что у меня сейчас лопнут барабанные перепонки, я хочу закрыться от этого пронзительного звука, но дрожащие руки не слушаются меня, продолжая вытирать с ноги ошметки розовой пены.

Мне приходится напомнить себе, что эти руки не принадлежат мне, что это не я сейчас судорожно копаюсь в аптечке, пытаюсь найти перевязочный пакет, что на самом деле я сижу в

своем кресле-каталке. Руки... мне нужны *мои* руки, в настоящий момент безвольно лежащие на коленях.

Это какой-то сбой в программе рендера. Альма, чью запись я смотрю, все никак не закончит обрабатывать рану, а громкость звука продолжает нарастать. Я больше не могу выносить его, я не дотерплю до конца записи, мне кажется, я уже сейчас готова потерять сознание, только бы не слышать...

Приходится приложить очень большое усилие, чтобы, продолжая чувствовать руки Альмы, как свои собственные, сосредоточиться на едва уловимом ощущении гладкой ткани пижамных штанов под пальцами. Кажется, будто у меня четыре руки – и все отказываются слушаться...

Наконец мне удается привести свои руки в движение.

– Не надо! – Громкий возглас прорывается сквозь писк за мгновение до того, как я выдергиваю наушники из ушей. Звук наконец-таки исчезает, и я с облегчением перевожу дыхание, снимая с себя визор.

«Малодушная. Она снова здесь», – успеваю подумать, прежде чем вспышка головной боли лишает меня возможности мыслить связно. Резко выдохнув, я откидываюсь на кресле, вцепляясь пальцами в подлокотники. Кажется, будто голова вот-вот взорвется. Приоткрыв на мгновение глаза, я почти сразу же закрываю их обратно, потому что меня начинает мутить так сильно, что становится страшно даже пошевелиться.

– Ты должна открыть глаза. – Голос малодушной слышится так, будто мои уши забиты ватой. – Открой глаза! – повторяет она уже настойчивее. – Ну, давай же!

Не хочу я ничего открывать, мне и так хорошо, я просто посижу здесь, вот так, совсем немножко, и мне станет легче... Головная боль постепенно отступает, мои мысли заволакиваются туманом, и меня начинает затягивать в дрему.

– ОТКРОЙ ГЛАЗА! – Гром этих слов разгоняет туман.

Открыв глаза, я вижу малодушную. Ее лицо, испуганное лицо девушки немногим старше меня, на всех двадцати девяти экранах «комнаты видеонаблюдения». Мгновение – и экраны гаснут, возвращаясь к привычной черноте. Видимо, чтобы докричаться до меня, малодушной пришлось усилить звук через встроенные в экраны динамики.

– Что ты наделала! – Голос малодушной дрожит. – Зачем ты вытащила наушники?! Сценарий же еще не закончился!

«Сценарий». Малодушной известно, что такое рендер, но сейчас меня беспокоит не это. Я замираю, прислушиваясь. Звук, заставивший меня покинуть рендер, все еще здесь, я все еще его слышу, хоть теперь он во много раз тише. Определив, откуда он идет, я подкатываюсь к компьютеру и отсоединяю планшет. На экране мигает напоминание о том, что через час начнется время посещений. Совершенно бесполезное напоминание – Константина сейчас нет на уровне.

– Это из-за напоминания, – зачем-то поясню я малодушной. – Звуковой сигнал от посторонней программы испортил воспроизведение сценария...

– На пол, – вдруг говорит малодушная, перебивая меня. – Сейчас же.

– Что, прости? – переспрашиваю я, не уверенная, что правильно расслышала.

– У тебя осталось около трех минут. – Малодушная заметно нервничает. – Тебя же сейчас накроет откатом! – отчаянно восклицает она.

Я застываю. Как я могла забыть об откате?!

Правило пользования рендером номер один – оно даже напечатано на обратной стороне чехла для рендер-набора: «Не вытаскивать наушники до завершения сценария». Сценарий завершается, постепенно уменьшая воздействие рендера и снижая нагрузку на мозг, я же предпочла выпрыгнуть из машины на полном ходу, не дожидаясь, пока она затормозит, и совсем скоро мне предстоит ощутить последствия.

– С минуты на минуту у тебя начнется припадок, – быстро говорит девушка. – Сильный припадок. Если останешься в своем кресле, то можешь упасть и пораниться, поэтому будет безопаснее сразу перебраться на пол. Сможешь это сделать? – с тревогой спрашивает она.

Я киваю. На моих ногах до сих пор защитные сапоги, поэтому можно ненадолго перенести вес на ноги. Перебираюсь на пол неуклюже, но достаточно быстро. Нельзя терять ни секунды – откат уже совсем близко.

– Снимай рубашку. Ее нужно подложить под голову, – звучит уже как приказ. Я выполняю и это, постепенно вспоминая инструкции, которые нам давали на лекциях по технике безопасности. Уверенность в командах малодушной действует на меня успокаивающе. – А теперь ложись на бок.

«Откат похож на цунами», – вспоминаю я слова Солары. «Сначала будет больно, затем боль ненадолго исчезнет, чтобы минут через пять-шесть вернуться гигантской волной. Так мозг и нервная система мстят за неделикатное обращение».

– А теперь одновременно нажми обе боковых кнопки на своем браслете, чтобы он отображал пульс. Поверни руку к камере на потолке, чтобы я видела показания.

Я поступаю так, как говорит малодушная. Я знаю, зачем она просит об этом. Мне нужно успокоиться, замедлить сердцебиение, выровнять дыхание – от этого зависит, как сильно пройдет по мне откат. Вот только совершенно не вовремя я вспоминаю о том, что откат может убить, и это никак не способствует спокойствию. Мне становится по-настоящему страшно за свою жизнь.

– Постарайся расслабиться. – Эта просьба вырывает из меня нервный смешок. Расслабись тут, как же. – Спрячься. Отыщи в своей памяти место, в котором ты чувствуешь себя в безопасности.

У меня есть такое место – оранжерея. Оранжерея в период весеннего цветения, наполненная запахами цветов... Но у меня никак не получается вернуться туда, я слишком долго не обращалась к этому воспоминанию, и оно успело утратить детали.

Давай же, Арника, сосредоточься. Ты же не собираешься умереть сегодня?

– Тогда пойдем другим путем. – Голос малодушной безмятежно спокоен. – Человек. Кто-то, кто заботится о тебе. Вспомни человека, рядом с которым ты чувствуешь себя в безопасности.

Берт.

Я даже не понимаю, что произношу это имя вслух.

– Хорошо. – В ее голосе звучит улыбка. – Хорошо, что у тебя есть такой человек.

«Закрой глаза», – звучит в моей голове звонкий голос Берта, и я послушно зажимаю глаза. Нет, я сейчас лежу не на холодном полу – на узком диване в общей комнате нашей казармы. Мягко поглаживая мое плечо, маленький, но невероятно сильный мальчик отгоняет от меня отголосочные кошмары, напевая песенку про котенка, поранившего лапку. Здесь я в безопасности.

Страх отступает.

Боль обрушивается подобно гигантской волне чего-то вязкого, жгучего и беспросветного, она накрывает меня с головой, выбивая дух и не позволяя выплыть, подняться наверх, чтобы сделать спасительный вдох. Я тону, опускаясь все глубже и глубже, и с каждым мгновением давление становится все сильнее, пока мои кости не взрываются, разом рассыпаясь на множество колючих осколков, разрушающих тело. Боль уничтожает меня снаружи и изнутри, выжигая каждое нервное окончание; может быть, я кричу – но не слышу, не чувствую этого, я больше не способна чувствовать что-либо, помимо боли, меня больше не существует, я растворилась в агонии...

Но все прекращается. Я вновь могу чувствовать свое тело. Судорожный вдох – да, я снова могу дышать. Все закончилось. Трясущейся рукой я утираю пот со лба и только потом открываю глаза.

– Получилось, – с невероятным облегчением выдыхает малодушная. – Припадок был коротким.

– Коротким?! – возмущаюсь я, не узнавая свой осипший голос. Кажется, я и правда кричала.

– Сколько прошло времени? По твоим ощущениям? – интересуется малодушная, и я запоздало вспоминаю, что такова особенность отката – искажение восприятия времени.

– Минут десять... не меньше, – неуверенно отвечаю я. – А сколько длился припадок?

– Девятнадцать секунд, – немного помедлив, сообщает малодушная. – Тебе очень повезло. Эти секунды могли превратиться для тебя в часы и даже в целые дни. Откат мог свести тебя с ума...

– Или убить, – договариваю я за нее. Я умудрилась позабыть про все инструкции, и если бы не малодушная...

Она спасла мою жизнь.

Я закрываю рот рукой, не позволяя вырваться истерическому смешку. За прошедший месяц моя жизнь уже дважды находилась под угрозой: сначала профайлер, крик которого мог убить меня и Константина, теперь откат...

– Тебя тошнит? – встревоженно спрашивает малодушная, заметив, что я прижала ладонь ко рту. Отрицательно мотаю головой. – Это хорошо. Но все равно лучше лежи немного, пока не придешь в себя.

Я перекатываюсь на спину, устремляя рассеянный взгляд в серый потолок. Поняла ли малодушная, что я успела увидеть ее лицо? Судя по внешнему виду, она старше меня года на три-четыре...

– Раз ты знаешь, что такое откат, то какого черта выдернула наушники? – Теперь ее голос звучит сердито, но мне удастся различить и беспокойство, искреннее беспокойство, поэтому решаю не уходить от ответа:

– Мне казалось, что я больше не выдержу ни секунды, что еще немного – и мозг вытечет через уши. Про откат в этот момент... даже как-то не успела подумать, – заканчиваю я.

А вот откуда про откат можешь знать ты? Я устраиваюсь поудобнее, подложив руку под голову, и прикрываю глаза. Откат может быть только после тренировочного рендера, как последствие воздействия на мозг, а тренировочный рендер используется только в Корпусе... Хотя я начинаю припоминать, что в нашу первую встречу Берт говорил о том, что им в Школе однажды показывали тренировочный рендер. Впрочем, знания малодушной о рендере определенно не из Школы – когда училась я, его еще не было в программе последнего Школьного года, а так как малодушная явно старше меня, то она училась еще раньше...

Малодушная прошла подготовку в Корпусе.

Или же она могла как-то получить доступ к информации про рендер, к инструкциям, могла прочитать об откате... Впрочем, и этот вариант отбрасывается сразу же – по тому, как говорила малодушная, я бы даже предположила, что откат знаком ей не понаслышке, что ей уже приходилось сталкиваться с ним. Сначала она попыталась меня остановить, потом же, когда я вытащила наушники, она была испугана, я слышала это в ее голосе. Но ей удалось очень быстро взять себя в руки, сосредоточиться, оценить ситуацию и вспомнить порядок действий. Она отдавала команды без малейшего промедления, с четким знанием дела, с уверенностью в каждом слове.

Корпус, не иначе. Возможно, даже капрал. И к малодушным она переметнулась уже после Бунта, иначе бы не знала об откате – на момент Бунта малодушных тренировочного рендера еще и в планах не было, близнецы тогда только начинали изучение Большого зала.

Она перебежчик. Предатель. Она предала Корпус, предала идеи Свободного Аргониса...

И почему-то спасла меня.

Если бы малодушная не окрикнула меня, не выдернула из дремы, если бы я заснула сразу после того, как вытащила наушники, меня бы настигли отголоски, которые неотвратимо следуют за прерванным рендером, а это испуг, учащенный пульс и верная смерть во время отката.

Ох, черт. Отголоски. Кажется, сегодня меня ждет отвратительная ночь.

– Не вздумай засыпать здесь, – говорит малодушная, словно читая мои мысли. Она права, надо вернуться в медблок, в свою постель... Впрочем, когда я пытаюсь приподняться, сильное головокружение убеждает меня в том, что нужно еще немного полежать.

– Говори со мной, пока не наберешься сил встать, – просит она. – Например... Расскажи мне про Берта. Это наверняка какой-нибудь высокий красавчик, да?

– О да. – Я хмыкаю, даже не пытаюсь сдержать расплывающуюся улыбку. – Почти угадала. Девятилетний красавчик.

– Твой младший брат?

Я качаю головой, постепенно переходя в сидячее положение.

– У меня здесь нет родственников. Берт – мой друг... – Голос подводит, горло предательски сжимается. – Он был моим другом, – тихо поправляю себя. – Самым лучшим другом, которого только можно представить.

Последний раз я видела Берта на следующий день после того, как очнулась в медблоке с переломанными ногами. С тех пор он больше не приходил. Сначала мне говорили о том, что Берт не может навещать меня из-за своего особого расписания, потом – о том, что он нехорошо себя чувствует, нет, не кошмары, просто легкое недомогание, не волнуйся, Арника...

Кондор был прав, когда говорил, что курсанты не умеют врать. Их ложь для меня слишком очевидна, и пусть она основывается на лучших побуждениях, – они ведь мои друзья, им не хочется, чтобы я беспокоилась, – мне надоедает выслушивать отговорки. Поэтому я перестаю спрашивать у них про Берта.

– Почему «был»? – с тревогой спрашивает малодушная. – Что произошло?

– Он умный мальчик. – Улыбка выходит горькой. – Достаточно умный, чтобы понять, что дружба со мной принесла ему только неприятности.

Логика, способность видеть закономерности – вот что делает Берта совершенно невероятным ребенком, вот что позволяет ему справиться с любой задачей по тактике, с любой системой защиты. И логика наконец-то одержала верх, Берт понял, что ему лучше держаться от меня подальше.

Эта дружба разрушила Берта. В тот день он приходил, чтобы попрощаться.

– Так будет лучше, – говорю я скорее себе, чем малодушной. Конечно, так будет лучше. Для Берта – но не для меня. Он был тем, кто верил в меня всем своим существом, безоговорочно, как могут верить только дети. Он был очень важен для меня. Что стало бы со мной, если бы не Берт, который поддержал меня с самого первого дня в Корпусе?

– Это он так сказал? – спрашивает малодушная. Я качаю головой.

– Он... просто перестал приходить ко мне. Это значит, что...

Малодушная перебивает меня, скептически хмыкнув:

– Вы даже не разговаривали, но почему-то ты уверена, что можешь знать, что происходит в его мыслях. Действительно, зачем нужны разговоры, если ты уже успела для всего придумать объяснения и на их основании уже заранее попрощалась с человеком, которого называешь своим другом. – Голос малодушной звучит укоряюще. – Может, у него просто нет возможности навестить тебя? Он мог заболеть, к примеру.

Я тяжело вздыхаю. Мне бы так хотелось в это верить...

Но я точно знаю, что Берт ушел из отряда. Пару недель назад ко мне заглядывал Виктор, совсем ненадолго: после возвращения Бенедикта из Арголиса все командоры заняты изучением собранной информации. Судя по уставшему виду Виктора, это отнимает у него слишком много сил – выглядел он так, будто не спал несколько ночей. Мой вопрос о Берте командор встретил с замешательством, оно-то и выдало, что ему что-то известно. Он нехотя признался, что Берт покинул отряд почти сразу же после того, как я оказалась в медблоке. От Гектора Виктор услышал, что Берт перевелся к «научникам», к инженерам Корпуса, работающим над каким-то секретным проектом, где его, конечно же, встретили с распростертыми объятиями.

Тогда же я поняла, почему меня почти перестала навещать Альма. Если она и приходит, то лишь для того, чтобы принести материалы с тренировок. Я чувствовала, будто она сердится на меня за что-то, но никак не решалась спросить. Теперь же мне понятна причина: она давний друг семьи Берта, и его родители, перед тем как отправиться в Ожидание, поручили ей приглядывать за ним, а теперь, из-за секретности проекта, Берт для нее недосыгаем, и она явно винит в этом меня.

Я стараюсь убедить себя, что среди инженеров Берту будет гораздо лучше, чем в боевом отряде. Наверное, тот несчастный случай на тренировке, в результате которого я уже месяц проторчала здесь, срачивая сломанные кости, стал для Берта последней каплей и он наконец-то смог осознать, что Корпус – не самое подходящее место для девятилетнего ребенка, даже если профайлер на его собеседовании признал обратное.

Впрочем, зная Берта...

– Я могу лишь надеяться, что он не приходит ко мне именно по этой причине, – немного резко говорю я, поворачиваясь к панорамной камере на потолке. – Потому что второе предположение гораздо хуже. Он... – Я тяжело вздыхаю. – С него станет обвинить себя в том, что произошло со мной. – Кивком я указываю на свои ноги. – Берт был там, когда это случилось. Он сам чуть не упал, пытаюсь дотянуться до меня, пытаюсь предотвратить мое падение, он так боялся за меня, что даже не понимал, что если я приму его помощь, то утяну его за собой...

– И... ты предпочла упасть сама, – потрясенно заканчивает малодушная. – Ты... ты знала, что сможешь выжить?

Я качаю головой.

– Но у меня были хоть какие-то шансы выжить после падения. А у него – нет.

Некоторое время малодушная молчит, обдумывая мои слова.

– А что насчет тебя? – тихо спрашивает она. – Сама-то винишь его в произошедшем?

Вопрос малодушной поднимает волну возмущения в груди.

– Конечно же нет! – с горячностью восклицаю я. – В чем он может быть виноват? В том, что хотел мне помочь? Или в том, что помочь не смог? Он же еще ребенок! Я бы поступила точно так же, даже если бы не знала, что у меня есть шанс выжить, ведь он дорог для меня, а мне уже пришлось пережить смерть близкого человека, который умер, пыта...

Я обрываю фразу на полуслове, застывая от настигшего осознания.

Гаспар умер, пытаюсь меня защитить. И в этом был его выбор. «Таким было его решение», – именно об этом пыталась сказать мне Микелина своей запиской, оставленной в медблоке. Только оказавшись в похожей ситуации, я смогла понять вложенный в эту фразу смысл.

Разжав пальцы, я позволила себе упасть, чтобы спасти Берта, но последнее, чего бы мне хотелось, – чтобы он думал, будто несет хоть каплю ответственности за случившееся.

– Берту не в чем себя винить, – потрясенно выговариваю я. – И мне... мне тоже.

Я провела столько времени, думая, что виновата в смерти Гаспара, эгоистично приписывая себе ответственность за нее, отказываясь признавать то, что он сделал сознательный выбор, и даже не понимая, что тем самым оскорбляю память о Гаспаре, приравниваю его

к обычным силентам, все еще не способным принимать решения. Я погрязла в этой вине настолько, что ею успели пропитаться все воспоминания о нем, и я запрятала их как можно дальше, запретив себе обращаться к ним и постаравшись вычеркнуть Гаспара из памяти, лишив себя возможности вернуться к самым светлым моментам прошлой жизни.

Слезы катятся по щекам, и я даже не пытаюсь их сдержать, ведь вместе с ними меня покидает горечь вины. Я плачу, чувствуя, как освобождаюсь от нее, и мне становится так хорошо, так спокойно и легко...

– Ты... ты в порядке? – слышу я осторожный вопрос малодушной. Всхлипывая, киваю, посылая в камеру на потолке дрожащую улыбку.

– Лучше, чем когда-либо. – Я смахиваю слезы ладонью. Сейчас меня даже не волнует то, что малодушная уже второй раз становится свидетелем моих рыданий... Сейчас мне наплевать даже на то, что она – *малодушная*. Ей удалось за один день спасти и мою жизнь, и мое прошлое, от которого я успела отвернуться.

– Тогда почему ты плачешь?

И я решаюсь рассказать ей. Вкратце, без деталей. Осторожно – потому что помню, что она малодушная, что она мне не друг; искренне – потому что она заслужила эту искренность хотя бы тем, что спасла меня. Наконец, в моей истории нет ничего, что малодушные могли бы как-то использовать против Корпуса.

Прежде мне уже приходилось говорить о Гаспаре, отвечая на вопросы «кто обучил тебя всем этим приемам»; отряд знает и про несчастный случай, после которого я пришла в Корпус, – но никогда прежде я не рассказывала о том, каким человеком он был, или о том, как сильно мне его не хватает...

Я уже потеряла одного друга и не позволю этому случиться вновь. Как только выберусь отсюда – отыщу Берта, и никакая сверхсекретность меня не остановит. Даже если мое первое предположение окажется верным и он решил держаться от меня подальше, я постараюсь принять это, постараюсь смириться... Но прежде я должна убедиться в том, что Берт не повторяет моих ошибок.

Впрочем, первым делом нужно будет посетить уровень Смотрителей.

* * *

Нестерпимо хочется спать. Мне с большим трудом удастся удерживать глаза открытыми, пока я добираюсь до медблока. Неожиданно натолкнувшись на пороге на выходящего Константина, я обмираю. Его же не должно быть на уровне! А ведь браслет на моем запястье мог сообщить доктору об откате...

Но Константин, лишь на мгновение оторвавшись от своего планшета, чтобы скользнуть по мне беглым взглядом, бормочет, что будет на складе. Кивнув ему в ответ, я с облегчением выдыхаю, когда он уходит. Видимо, так как сломанные кости уже почти срослись, доктор перестал пристально отслеживать мое состояние.

Я останавливаюсь на пороге, продолжая глядеть на удаляющегося Константина и запоздало понимая, что перед сном не помешало бы принять шипучую пластинку успокоительного, прогоняющего отголоски. Но тогда придется рассказать доктору об откате. Ох и влетит же мне тогда за нарушение техники безопасности... Все решается само собой – пока я раздумываю, Константин сворачивает за угол, пропадая из поля зрения. Ни окрикнуть, ни догнать. Я сейчас слишком сонная, да и сил на то, чтобы добраться до склада и вернуться обратно, уже не хватит. Отголоски придется перетерпеть.

Я засыпаю мгновенно, едва оказавшись в постели. Как только приходит сон, приходят и отголоски.

Я больше не человек – многорукое, многоногое неповоротливое чудовище, не способное поладить со своими конечностями, каждая будто живет своей жизнью, и их много, слишком много... Вспышки боли обжигают его тело, одна за другой, будто кто-то невидимый решил изрешетить его из пистолета, выпустив в него целую обойму. Чудовище пронзает иглами, от укулов которых по всему телу растекается мерзкий, липкий холод. Чудовище задыхается от ужаса, истекая кровью. Крови все больше – многочисленные раны расходятся, увеличиваясь в размерах, превращаясь в зияющие дыры, из которых начинают выползать хлопья колючей бледно-розовой пены, что жадно расплзается по всему телу, разъедая кожу, с громким шипением и потрескиванием обнажая мышечные ткани...

Чудовище пытается зажмуриться, чтобы спрятаться от страшного зрелища, оказаться в спасительной темноте, но оно не может перестать видеть, ведь стоит ему закрыть одни глаза, как открываются другие. Резкий звук ударяет по ушам с такой силой, что чудовищу кажется, будто кто-то пытается размозжить ему голову. Боль так сильна, что все остальные ощущения отходят на второй план. Звук повторяется, но он больше не наносит ударов, нет, теперь он действует намного коварнее, вливаясь в уши обжигающей жидкостью, которая все с большей силой пульсирует внутри головы, грозясь взорваться. Чудовище хочет закричать, но как только оно открывает рот, пульсирующая жидкость заполняет горло, распирая его изнутри, и чудовище захлебывается, оно не может сделать вдох...

Нет. Это ведь я. Это я не могу сделать вдох.

Я возвращаю себе свое тело, когда что-то сжимает мое плечо. Прохладная ладонь ложится на мой лоб – и я вновь могу дышать, потому что отголоски отступают, оставляя после себя лишь привкус крови во рту. Сквозь сон я чувствую, как кто-то гладит меня по плечу, слышу низкий мужской голос, напевающий что-то про непослушный ветерок, заблудившийся в лесу, потом про звездочки на небе, уже на другой мотив, потом про птичек-сестричек... Этот голос определенно мне знаком, я точно знаю обладателя, но его имя, его лицо ускользают от меня, растворяясь в колыбельной.

Я уверена лишь в одном: человек, которому принадлежит этот голос, никак не может быть здесь, рядом со мной.

#Глава 5

По медблоку плывет настойчивый запах ментола. Банка с массажным гелем уже давно плотно закручена, а салфетки, которыми Кендра, одна из ассистенток Константина, обтерла мои ноги после массажа, покоятся в закрытом мусорном ведре, но запах все не ослабевает. Он отвлекает меня, мешая сосредоточиться...

Конечно же, Арника. Именно запах виноват в том, что ты никак не можешь разобраться с этой задачей.

На планшете, что лежит передо мной, открыта схема двухэтажного здания. Это задача из пробного варианта экзамена по тактике. Последние полтора часа я провела в попытках решить ее и, как мне кажется, уже успела перебрать все возможные варианты. Время, что отводится на экзамен, уже давно вышло, и я решила все задачи, кроме этой.

Каждый раз, когда думаю, что наконец-то нашла решение, моделирование ситуации завершается всплывающим сообщением «Критические потери. Миссия провалена». Противник хорошо вооружен. На его стороне численное превосходство, еще и сложная планировка здания осложняет штурм... Может, для этой задачи и вовсе нет решения?

– Завтра попробуем встать на ноги. – К моей кровати подходит Константин. Его слова заставляют меня замереть. Наконец-то!

– Как... как много времени займет восстановление? – Я откладываю планшет в сторону. Задача подождет. – Когда я смогу вернуться в отряд?

Константин пожимает плечами.

– Все зависит от того, как пойдет реабилитация. Впрочем, и здесь нам снова помогут технологии Тетраполиса. – Доктор улыбается. – Их медицина умудрилась опередить нашу как минимум на полвека.

– Технологии... для реабилитации? Здесь, в бункерах? – удивленно спрашиваю я. – Но зачем, откуда? У Тетраполиса же были лечебные модули...

– У них были и свои Несовместимые. – Видя мое недоумение, Константин поясняет: – В Тетраполисе для лечения наследственных заболеваний часто обращались к генной терапии, после которой использование модуля становилось невозможным. Отсюда и технологии для посттравматической реабилитации, благодаря которым эти ноги, – доктор легко похлопывает меня по лодыжкам, – уже совсем скоро снова смогут бегать, прыгать и избивать людей на тренировках.

Уже совсем скоро. Жди меня, Корпус.

Комок в горле, вызванный нахлынувшими эмоциями, вряд ли позволит мне сейчас что-либо сказать, поэтому я посылаю Константину немного дрожащую улыбку, и он возвращается к своему рабочему столу. Я наблюдаю за тем, как он достает из ящика хорошо знакомый мне предмет – чехол с рендер-набором. Но зачем рендер может понадобиться Константину?

– Завтра предстоит сложная операция, – говорит доктор, поворачиваясь в мою сторону. – Мне нужно посмотреть, как ее делали медики Тетраполиса. Это займет пару часов. – Надев визор, он откидывается на кресле.

Задача. Меня все еще ждет эта треклятая задача по тактике. Усевшись на кровати, я вновь углубляюсь в изучение плана здания, пытаюсь понять, что же ускользнуло от моего внимания, что же я не учла...

Услышав слева от себя деликатное покашливание, я вздрагиваю от неожиданности.

На краю соседней кровати сидит Юн.

Он не приходил ко мне ни разу, причем, я и не питала надежд на то, что он будет меня навещать. Выглядит Юн неважно: всклокоченные волосы, покрасневшие глаза. Он сцепляет пальцы в замок, надеясь скрыть дрожь в руках, но я успеваю ее заметить.

Никогда еще я не видела его таким... разбитым?

Продолжая смотреть на его руки, я в очередной раз обращаю внимание на странные, не очень аккуратно сплетенные нитяные браслеты. С нашей последней встречи их количество определенно увеличилось. Приглядевшись, я замечаю на пальцах Юна россыпь мелких пятнышек синего цвета. Так могут выглядеть только следы от порошкового пигмента, но быстрый взгляд на волосы Юна не обнаруживает никаких изменений.

Молчание затягивается. Мы просто сидим и рассматриваем друг друга, и при этом Юн отчего-то изо всех сил старается не встречаться со мной глазами.

Ему неловко, *очень неловко*, вдруг понимаю я.

– Как... как ты себя чувствуешь? – неуверенно спрашивает он, глядя на мои ноги.

– Вроде неплохо. – Я пожимаю плечами. – Константин хороший доктор.

– Да... Константин хороший доктор, – тихо повторяет за мной Юн, подобно эху.

И только теперь я обращаю внимание на то, что на нем надета футболка от больничной пижамы. Он ведь Совместимый, с чего бы ему лечиться в медблоке?

– Так ты к нему? – спрашиваю я, кивая головой в сторону Константина. – Он в рендере часа на два, так что...

– Нет, – перебивает меня Юн. – Я пришел не к нему... я здесь для того, чтобы извиниться перед тобой, – отрывисто говорит он, наконец-то глядя мне в глаза. – За то, как относился к тебе, как вел себя, пока ты была в отряде. Надо признать, из тебя получился хороший курсант, – выдавливает он и умолкает, опуская взгляд на свои руки, сцепленные в замок. – Постарайся не угробить себя, пытайся вернуться в отряд. Не переусердствуй... иначе все потеряет смысл, – тихо заканчивает он, поднимаясь с кровати.

Извинения? Забота? Я не могу поверить своим ушам. Это настолько не похоже на Юна, что я начинаю подозревать, что передо мной сейчас стоит его близнец, о существовании которого мы прежде не догадывались.

Что же случилось с Юном? Что так сильно изменило его, заставив прийти ко мне? Я ни на мгновение не сомневаюсь в искренности его слов, потому что... да потому что *это Юн*, который говорит только то, что думает на самом деле. Но я вижу, что он не хочет быть здесь, не хочет разговаривать со мной, – но почему-то убежден, что обязан это сделать.

Что-то гнетет его, и он пришел ко мне в попытке освободиться, но извинения не принесли ему и доли облегчения, на которое он надеялся.

Я вижу, что Юн хочет сказать что-то еще, очень важное для него, но даже уже произнесенные слова дались ему с большим трудом. Начну задавать вопросы, пытаюсь понять, что же произошло, – и Юн закрывается. Он не привык говорить вслух о своих слабостях.

Впрочем, мне тоже пора научиться говорить о своих ошибках, о настоящих ошибках, а не о тех, что были надуманы и во множестве приписаны себе прежде.

– Тебе не за что извиняться. – Мои слова заставляют Юна остановиться у выхода из медблока. – Ты был прав.

Лицо Юна, повернувшегося ко мне, выражает крайнюю степень удивления.

– Ты был прав, – вновь говорю я, – полагая, что мне не следовало присоединиться к отряду. Нужно было тебя послушать, отказаться от предложения Солары и отправиться к рекрутам. *Сделать все так, как положено*. – Я повторяю слова, сказанные им при нашей первой встрече. Кажется, Юн это замечает: уголок его рта дергается в слабом намеке на улыбку. Он наблюдает за мной, все еще недоверчиво – кажется, мои слова тоже стали для него неожиданностью, но я вижу, что своей честностью пошатнула незримую стену, что всегда была между нами, поэтому продолжаю: – Когда-то давно я освоила рекрутскую программу физических тренировок, поэтому мне казалось, что, не считая умения стрелять, у меня уже есть все, что может дать ступень рекрутства. Но я упустила слишком многое. Например, не научилась работать в команде. – Я печально усмехаюсь, загибая палец. – Как Смотритель... Я

привыкла полагаться только на себя, только на свои силы, и не смогла вовремя понять, что от этой привычки следует избавиться.

Юн шагает в мою сторону, очень осторожно, будто не уверен, что под его ногами окажется все тот же твердый пол.

– Не научилась стрелять, – внезапно говорит он. Я загибаю еще один палец, согласно кивая.

– Постоянно прокалываюсь на каких-то мелочах, которые остальным известны со времен рекрутства. – Очередной загнутый палец. – Не успела подружиться с курсантами из других отрядов. – И еще один.

– Недостаточно хорошо знакома с техникой безопасности. – Юн вновь присаживается на соседнюю кровать. – Недостаточно *настолько*, что умудрилась словить откат.

– Как ты узнал про... – Внезапная, невозможная догадка заставляет меня замереть. – Так это был ты! – пораженно восклицаю я.

– Понятия не имею, о чем ты. – Юн качает головой, с нарочито независимым видом скрещивая руки на груди.

– Это был ты, – неверяще повторяю я, рассматривая Юна во все глаза. – Ты приходил еще вчера, в часы посещения, – говорю уже увереннее. – Я слышала твой голос сквозь сон.

Эта картина никак не желает укладываться в моей голове.

– Ты ведь... ты пел мне колыбельные!

– Тебе все равно никто не поверит. – Юн улыбается, едва заметно – но это все же улыбка, его первая улыбка, что адресована мне. Она живет недолго – лицо Юна почти сразу же становится серьезным. – Ты задыхалась во сне. Такие сильные отголоски могут быть только после отката, а у меня... Слишком свежи воспоминания о том, каково это. – Юн мрачнеет. – На прошлой неделе хотел потренироваться в рендере, а наушники оказались неисправными, отключились до завершения сценария, и... – Юн нервно сглатывает, обрывая фразу.

– Откуда тебе известно столько колыбельных? – осторожно спрашиваю я, чтобы уйти от явно неприятной Юну темы.

– Архив, – коротко отвечает Юн. – Выучил, пока ждал пробуждения младшей сестры от Ожидания.

– У тебя есть сестра? – удивляюсь я. Почему же я ее никогда не видела?

– Мы погодки. – Юн вновь улыбается, и эта улыбка задерживается на его лице, но отчего-то она выглядит грустной. – Ей было всего лишь две недели, когда мы пришли сюда из захваченного Арголиса, а мне почти год... едва попал в программу Ускорения. Я... Я был так счастлив, когда узнал, что у меня есть сестра, что я здесь не один... – Юн говорит сбивчиво, словно смущаясь своих слов, своей искренности, но постепенно смущение исчезает.

Когда впервые заговариваешь о ком-то, кто для тебя очень дорог, поначалу слова подбираются с трудом, но потом ты уже не можешь остановиться и говоришь, говоришь... И остается лишь поражаться тому, как много ты можешь рассказать об этом человеке и как много хочется сказать вслух. Я знаю, каково это, ведь вчера впервые после смерти Гаспара я смогла выговориться, не ощущая при этом хватки когтистой лапы, которой чувство вины прежде сжимало горло при каждой мысли о нем.

– Я постоянно навещал Джимин, пока она была в зале Ожидания. Мне было четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать лет... А ей все так же – две недели от роду. – Взгляд Юна светлеет. – Она лежала в стазисе, такая маленькая, такая незащищенная... Мне хотелось стать для нее самым лучшим старшим братом, какого только можно представить. Я работал инженером на техническом уровне и все свободное время проводил в Архиве, читая старые сказки, старые колыбельные... И неважно, что Джимин предстояло Ускорение, – Юн усмехается, – я все равно учил колыбельные, чтобы каждый вечер петь ей перед сном.

Он ненадолго замолкает, глядя словно сквозь меня. Только сейчас я начинаю осознавать, что привыкла довольствоваться лишь тем, что лежит на поверхности, и стала полагать, будто то, что я могу прочесть эмоции человека по лицу и жестам, означает, что *я его знаю*. То, с какой нежностью Юн говорит о своей сестре, с ног на голову переворачивает все прежние представления о нем.

Передо мной сидит человек, о котором мне не известно ничего.

– Ее очередь на Ускорение подошла, когда мне исполнилось семнадцать, – вновь заговаривает Юн. – Я из кожи вон вылез, выбивая себе перевод на технический уровень над Школой, чтобы после Ускорения Джимин могла жить со мной, внизу ей бы вряд ли понравилось... Накануне дня окончания программы Ускорения я не мог заснуть, все думал: какой окажется Джимин? Будет ли похожа на меня? Как будет звучать ее голос, какими будут первые слова, что я услышу от нее? И вот, десять часов утра, я стою у выхода из зала Ускорения, а у самого колени дрожат. И тут выводят ее, – Юн прерывисто вздыхает, – и мое сердце останавливается. Она была очень красивой, в таком легком, воздушном платьице... – он прикрывает глаза, словно восстанавливая в своей памяти образ сестры, – белого цвета, – выговаривает он с видимым мучением. – Такого же... такого же цвета, как ее волосы.

Мне тяжело смотреть на Юна. Боль, что отражается на его лице, кажется осязаемой.

– Справедливость забрала Джимин, оставив мне вместе с ней лишь полчаса в день в присутствии Смотрителя. Но один из таких визитов на уровень Справедливости подарил мне надежду. И цель, – говорит он, открывая глаза. В одно мгновение его лицо меняется, на нем не остается ни малейшего намека на уязвимость. Передо мной вновь сидит Юн, каким я его всегда знала. – Однажды, возвращаясь от Джимин, я случайно услышал диалог, явно не предназначенный для чужих ушей, – один из докторов Справедливости разговаривал с Советником Никсоном. Так я узнал о том, что существует вероятность того, что в Арголисе мы сможем помочь не только silentам, но и профайлерам.

– Никогда об этом не слышала. – Я невольно понижаю громкость голоса.

– И не услышишь. – Юн пожимает плечами, бросая быстрый взгляд в сторону Константина, чтобы убедиться, что он все так же поглощен рендером. – Я ведь не идиот, – Юн хмыкает, и уголки его рта горько опускаются вниз, – я понимаю, что день, когда мы перестанем нуждаться в Справедливости, не наступит никогда. Даже тогда, когда мы вернемся домой, когда все наладится... Справедливость слишком хороша в своем деле, поэтому тот факт, что у профайлеров тоже есть шанс обрести нормальную жизнь, будет замалчиваться до последнего. – Он резко выдыхает. – Но мне не нужна вся Справедливость. Только моя сестра.

– Постой, – медленно говорю я, пытаюсь переварить полученную информацию. Что-то не сходится. – Никсон ведь... Он ведь Советник по вопросам образования, какое отношение он может иметь к Справедли... – Я обрываю себя на полуслове, когда внезапное воспоминание расставляет все по местам. – Его дочь... – выдыхаю я, все еще сомневаясь в правильности своих выводов.

– Дочь. – Юн кивает. – Живет вместе с ним на уровне Нулевого поколения. И весь город считает, что она страдает от наследственной болезни, которой были подвержены многие жители Терраполиса.

– Хочешь сказать, она профайлер? – недоверчиво интересуюсь я. Как Никсону удастся это скрывать?

– И не только она. Как мне удалось узнать, в Свободном Арголисе есть лишь один человек, что страдает от этой болезни. Ее зовут Лотта, она живет у доктора. – Юн указывает кивком в сторону Константина. – Но, помимо нее, на уровне Нулевого поколения зарегистрировано еще три пациента с таким же диагнозом, включая дочь Никсона.

И об этом никто не знает? Как же их способности? У меня возникает множество вопросов, но почему-то я озвучиваю самый нелепый из них:

– А как же... седые волосы?

Юн смотрит на меня так, словно я сморозила несусветную глупость. Впрочем, так и есть.

– Когда-нибудь красила волосы порошковым пигментом? – Он растопыривает перед моими глазами ладонь с испачканными пальцами. Я отрицательно мотаю головой.

– Мы с Джимин часто гуляем по Просвету. – Юн поворачивает ладонь к себе, машинально потирая пятна. – Когда я стал курсантом, нам с Джимин разрешили ненадолго покидать жилой уровень Смотрителей. И на прошлой неделе мы встретили девушку с синими волосами. Видела бы ты лицо Джимин, – с нежностью говорит Юн, – она была в восторге! Она очень любит синий цвет, поэтому мне тем же вечером пришлось выпрашивать порошковый пигмент, а про перчатки забыл, видишь, пальцы все перепачкал, до сих пор отмыть не могу... Зато Джимин довольна. – Юн вновь сцепляет пальцы в замке перед собою. – Порошковым пигментом достаточно покрасить волосы всего один раз, он равномерно распределяется по волосам, даже когда они продолжают расти, и сменить цвет или вернуть натуральный можно только через нейтрализатор пигмента... – Юн вдруг осекается и с усмешкой качает головой, будто удивляясь своим словам. – А еще я знаю около десяти вариантов плетения кос, – вдруг добавляет он. – А Джимин плетет мне браслеты. – Юн указывает на запястье.

– Ей повезло с тобой. – Я гляжу на нитяные браслеты, большинство из которых синего цвета. – Ты очень хороший брат.

– Мне тоже так казалось, – тихо говорит Юн, опуская голову. – Когда я узнал, что для Советника сделали исключение, позволив оставить дочь рядом с собой, у меня появилась цель. Возник план: стать одним из лучших курсантов, отправиться в Арголис в числе первых, в составе сильного отряда. Стать героем войны, стать человеком, для которого тоже *сделают исключение*. – Юн особенно выделяет последние слова. – Поэтому я потратил на рекрутство несколько лет и перешел в курсанты, только добившись максимальных показателей. Я получил распределение в отряд капрала с хорошей репутацией... а потом в отряде появилась ты. Первая серьезная помеха на моем пути.

– Но ведь... – начинаю я, но Юн жестом останавливает меня.

– Мне казалось, – с усилием продолжает он, – что ты способна все разрушить, что своим присутствием в отряде можешь лишить меня будущего вместе с Джимин, ведь если наш отряд отправят на Второй круг, то... все пропало.

Я уже открываю рот, чтобы сказать, что Второй круг никак не повлияет на его личную статистику, но тут в памяти всплывает одно обстоятельство, которое проясняет смысл его слов. Следующий набор курсантов будет последним, и их будут распределять только по отрядам зачистки, которые отправятся в Арголис уже тогда, когда диверсионно-разведывательные отряды сделают основную работу и останется только навести порядок в городе. Юн не мог знать этого, снова и снова отказываясь от перевода из рекрутов в курсанты: решение было принято Советом незадолго до нашего набора.

«Стать героем войны». Услышь я это от кого-нибудь другого, не от Юна, для меня это бы даже не выглядело планом, слишком самонадеянно...

Но у него может получиться... *У него должно получиться*. Вот только если Юн окажется на Втором круге, его план потерпит крах.

Кажется, я поняла, зачем он пришел ко мне.

– Ты... ты хочешь попросить меня не возвращаться в отряд? – спрашиваю я севшим голосом.

Юн долго смотрит на меня, не отвечая, и я не могу прочесть его взгляд: слишком много эмоций поспешно сменяют друг друга.

– Попросил бы, – наконец говорит он. – Еще неделю назад – попросил бы. Но не сейчас. – Юн качает головой. – У меня нет права на подобную просьбу. Ты... ты не причинила

моему плану и десятой доли того вреда, что причинил я сам... Знаешь, как проходят наши тренировки в стазис-контуре? – неожиданно спрашивает он. – Те, до которых тебя не допустили из-за того, что ты Несовместимая?

Я киваю, продолжая глядеть на него в замешательстве, не совсем понимая, к чему он клонит. Конечно, знаю: пулевые ранения, ножевые ранения и сломанные кости.

– Совместимые курсанты в среднем пользуются лечебным модулем пять-шесть раз в месяц. Я же оказывался там лишь трижды, в самом начале обучения. Я просто не позволял себя победить, я не мог уступить, мне нужно было одержать верх любой ценой, еще бы... По иронии судьбы это чуть не стоило мне жизни. – Он хмыкает. – На прошлой неделе у нас была тренировка с Кондором на полигоне, мы отрабатывали способы обнаружения слежки и ухода от нее. После тренировки Кондор стал задавать нам вопросы по этой теме. Очередь доходит до меня, я начинаю отвечать, а он смотрит на меня и хмурится. Перебивает почти сразу же, «подними руки в стороны», говорит. Потом просит улыбнуться, потом – показать язык. Я, конечно же, выполнил все это, думая, что он просто издевается... а он весь побелел, остановил тренировку и вызвал медбратьев с уровня Нулевого поколения.

Юн тяжело вздыхает, и я уже догадываюсь, почему. Эти симптомы знакомы мне еще с лекций для будущих Смотрителей.

– Инсульт? – тихо спрашиваю я.

– Микроинсульт, – коротко отвечает Юн. – Но, как сказал доктор Константин, инсульт был не за горами. Я мог стать инвалидом, или... или умереть, – договаривает он едва слышно.

– Но это же обычно случается с людьми в возрасте, – вслух вспоминаю я. Юн пожимает плечами.

– Я слишком часто пользовался рендером для тренировок в свободное время. Слишком большая нагрузка на мозг, а откат стал решающим ударом. В медблоке на уровне Нулевого поколения сейчас лежит пациент, восстанавливающийся после инсульта, вот нас вместе и лечат. Но... Если бы Кондор не обратил внимание на симптомы... – Юн прерывается, качая головой. – Даже модуль бы не помог, он не рассчитан на работу с повреждениями мозга. Но каждый раз, когда оказываешься в модуле, он проводит диагностику, обновляя профиль совместимости. Попади я в модуль хоть раз за последний месяц, позволь я хоть раз себя победить – узнал бы, что от рендера стоит отдохнуть. А теперь приходится отдыхать в медблоке Нулевого поколения... И меня это убивает, – неожиданно признается Юн. – Слишком... слишком много свободного времени.

Я невольно хмыкаю. Пожалуй, сейчас я понимаю Юна как никто другой.

– Я... много думал о том, что случилось. – Юн обхватывает свои плечи, словно ему вдруг стало холодно. – Было очень тяжело осознавать, что я зашел так далеко, пытаюсь позаботиться о Джимин, что чуть было... – Он прерывается, зажмуриваясь на несколько мгновений. Когда он открывает глаза, то мне кажется, что я вижу в них слезы. – Я чуть было не оставил ее одну. Это то, чего я не смогу себе простить. Поэтому я и сказал тебе, – Юн поднимает на меня взгляд, – не переусердствуй, пытаюсь вернуться в отряд.

– Если бы ты сейчас попросил меня не возвращаться, – я встречаюсь с Юном глазами, – я бы поняла это.

– Ты не дослушала, – неожиданно мягко говорит он. – В отряде по баллам сейчас самая слабая Паула, она провалила промежуточный экзамен по тактике, но надеялась набрать бонусные очки на двух групповых тренировках в Большом зале. Но пять курсантов в отряде – слишком мало. Их отстранили от общих тренировок на десять дней, пока я не вернусь. Итак, – Юн разводит руками, – перед тобой сидит человек, из-за которого отряд Солары оказался так близок ко Второму кругу, как еще никогда не был.

Плохо. Очень плохо.

Нашему отряду уже не войти в двойку лучших, ведь если слабые отряды считаются по самому слабому участнику, то сильные – по общей сумме баллов членов всего отряда. Есть еще один нюанс: отряду, который будет признан самым сильным, Второй круг уже не грозит, вне зависимости от баллов самого слабого участника.

Но до выпуска еще есть время. И есть финальные испытания, которые могут ощутимо повлиять на ситуацию с баллами. Прорвемся.

Я невольно хмыкаю, когда осознаю, что слишком сильно забегаю вперед. Какие там финальные испытания, когда я еще не встала на ноги, не вернулась в отряд и не сдала все пропущенные экзамены.

– Ты ведь был на экзамене по тактике? – спрашиваю у Юна. Немного помедлив, он утвердительно кивает, но я вижу легкое недоумение в его взгляде. Мой вопрос сбил его с толку, он явно ожидал услышать что-то другое. – Все ли задачи имеют решение?

Юн пристально смотрит на меня, затем вдруг улыбается.

– Хочешь, угадаю, на какой задаче ты застряла? Предпоследняя, да? – Я киваю. – Решение есть, и достаточно простое.

– Тогда как ты угадал?

Юн пожимает плечами.

– Знаю, где ты могла допустить ошибку. Ты не умеешь смотреть вокруг, точнее, нет, не так, – поправляется он, – ты... пытаешься охватить все одним взглядом, чтобы сразу же начать действовать, поэтому что-то неизбежно ускользает от твоего внимания.

– Я потратила больше часа на эту задачу, – я с недовольством перебиваю Юна. – План здания уже по памяти нарисовать могу.

Но Юн лишь качает головой.

– Не туда смотришь. Вернись к самому началу, к условию. Перечитай его еще раз.

Я беру в руки планшет, следуя совету Юна, но в условии не обнаруживается ни малейшего намека на возможное решение. Перечитываю еще два раза – бесполезно.

– И что же я должна здесь увидеть? – спрашиваю, уже начиная чувствовать раздражение.

– Внимательнее, – медленно, чуть ли не по слогам, проговаривает Юн, наблюдая за мной.

Закатив глаза, я в очередной раз просматриваю условие.

...И едва сдерживаюсь, чтобы не хлопнуть себя по лбу от досады.

Маленькая, едва заметная галочка под текстом условия. Вот что я упустила.

– Условие на двух страницах, – бормочу, чувствуя себя полной дурой.

– Именно. – Юн выглядит настолько довольным, что возникает желание кинуть в него чем-нибудь, и спасает его только то, что под рукой у меня только планшет Берта. – И на второй странице написано, что эта задача рассчитана на отряд зачистки, которому нет нужды действовать скрытно... И что у тебя в арсенале есть взрывчатка. Ты можешь сделать вход там, где он тебе нужен.

#Глава 6

Константин вместе со свитой в очередной раз отправился в медблок на уровне Нулевого поколения, поэтому я решаю прокатиться на коляске до «комнаты видеонаблюдения», чтобы посмотреть в рендере записи тренировок своего отряда. Сегодня я бы даже могла дойти на своих двоих, но не решилась рисковать, чувствуя усталость после физиотерапии, мне надо быть осторожнее... Усмехаюсь, вдруг понимая, что еще совсем недавно оставила бы подобные ощущения без внимания, – но не теперь, после разговора с Юном.

Теперь я понимаю, что прежде не отличалась особой осторожностью, зачастую действуя необдуманно, а порой и вовсе спонтанно, поддаваясь влиянию момента. Бешеная Пляска?! Безумный поступок. Я уцелела только благодаря невероятному везению, и появись тогда Виктор на полигоне хоть мгновением позже, возможно, меня бы уже не было среди живых.

Но куда большим безумием было то, что я намеревалась повторить Бешеную Пляску. Мне ведь придется как-то подтвердить свою физическую форму после того, как Константин решит, что я готова вернуться в Корпус. Я должна буду продемонстрировать, что в состоянии справиться с нагрузками Корпуса, и для того, чтобы вновь получить допуск к занятиям, в первую очередь придется убедить в этом Кондора.

Поверить не могу, что в начале лечения у меня проскакивала мысль о том, чтобы впечатлить его Бешеной Пляской. Кондор бы пришел в ярость, если бы узнал об этом. Надо найти способ, который не будет выглядеть как попытка самоубийства... иначе Кондор прикончит меня собственноручно.

В «комнате видеонаблюдения» меня поджидает сюрприз: на стене, что напротив стены с мониторами, на равном расстоянии друг от друга кем-то развешены три мишени – черные человеческие силуэты на белом фоне. На стуле перед интерфейсным столом я нахожу небольшую коробку. «Не скучай», – гласит записка, прикрепленная к ней, и я улыбаюсь, узнав почерк.

Виктор.

Мне все еще неловко из-за нашего последнего разговора. Виктор пришел ко мне уставшим, вымотанным после многочасовой работы над данными, что собрал Бенедикт в Арголисе, – а я устроила ему настоящий допрос, пытаюсь выяснить, что же произошло с Бертом. Эти мишени на стене дарят надежду, что я не обидела Виктора слишком сильно.

Мое внимание привлекает едва заметное остаточное свечение интерфейсного стола. Кажется, Виктор был здесь совсем недавно, жаль, что мы разминулись...

Но для чего он активировал интерфейсный стол? Было ли это случайностью, простым любопытством... или же Виктор наконец-то понял, что это вовсе не «комната видеонаблюдения»? Может, именно поэтому он так поспешно ушел отсюда, даже не наведив меня?

– А он хорош собой, – звучит сбоку громкий голос. Конечно, я же сейчас стою рядом с динамиками. – Твой друг, – поясняет малодушная.

– Почему ты решила, что он мой друг? – спрашиваю, стараясь, чтобы слова звучали спокойно, не выдавая моего удивления. Достаточно было Виктору появиться здесь – и малодушная вновь заговорила со мной. – Это... это он тебе сказал?

Если малодушная разговаривала с Виктором, если упоминала наше с ней общение... То у меня большие проблемы. При всей лояльности ко мне Виктор остается командором Корпуса. Да, он прикрывал меня прежде – но бег по ночам, Бешеная Пляска и даже попытка получить доступ к данным Архива в обход системы безопасности не сравнятся с сокрытием информации о малодушных.

Меня бросает в холодный пот.

А ведь они даже могут быть знакомы. Малодушная раньше была частью Корпуса, в этом я почти не сомневаюсь, и если мои предположения верны, если она бывший капрал, то они прежде общались друг с другом, не могли не общаться...

– Мне достаточно было увидеть то, как старательно он вносил изменения в интерьер. – Судя по звучанию голоса, моя собеседница улыбается.

Она так и не заговорила с Виктором. Медленно выдыхаю, понимая, что в ожидании ответа невольно задержала дыхание.

– Или же я ошиблась? – Малодушная понимает мое молчание по-своему. – О, так между вами что-то большее, чем дружба?

– Все-то тебе расскажи, – бормочу я. – А что в коробке? – спрашиваю только для того, чтобы сменить тему.

– Не знаю, он принес ее закрытой. – В голосе слышится любопытство. – Может, тебе стоит ее открыть?

Внутри обнаруживаются метательные ножи. Очень много метательных ножей. Лучше лекарства от скуки и не придумать. Поставив коробку на колени, я подкатываюсь к мишеням, проезжаю сквозь круг серверных блоков и останавливаюсь прямо за ним, оказавшись напротив центральной мишени.

Слишком короткая дистанция. И разброс между мишенями достаточно большой – маловероятно, что с этой позиции я смогу поразить боковые мишени. Виктор знает о том, что мои возможности перемещения все еще ограничены, что мне нельзя проводить много времени на ногах, а значит...

Я откатываю свое кресло назад, возвращаясь в центр серверного круга. Так и есть: Виктор повесил мишени таким образом, что сейчас они оказались ровно посередине промежутков между серверами. Размахнувшись, я кидаю один из ножей, целясь в левую мишень. Бросок выходит смазанным: из-за того, что сижу, не удастся замахнуться как следует. Подъехав к ножу, пригвоздившему мишень к стене, я удивленно присвистываю: он ушел в стену почти на половину лезвия. Вытащив его, я откатываю кресло немного в сторону и скребу ногтем участок стены, не закрытый полотном мишени. Рыхлое, мягкое покрытие.

– Что ты... что ты делаешь? Прекрати портить изоляцию! – сердито восклицает малодушная.

– Изоляция, говоришь? – переспрашиваю, поворачивая голову к панорамной камере над кругом серверов.

– Это покрытие обеспечивает помещению полную звуконепроницаемость, регулирует влажность воздуха и... эй, перестань! – вновь восклицает малодушная, когда я, размахнувшись, вгоняю нож в стену, чтобы оценить толщину изоляции. Лезвие уходит в стену полностью. Звуконепроницаемость – это хорошо...

– Что же, тогда приди и останови меня. – Я широко улыбаюсь, оглядывая комнату. – Потому что я собираюсь основательно подпортить вид этих стен.

«Комната видеонаблюдения» идеально подходит для стрельбы. *Настоящей* стрельбы.

За прошедший месяц я много раз пыталась стрелять в рендере и за это время успела понять, что ошибалась, полагая, что если часто упражняться в стрельбе, то страх со временем исчезнет. Он так никуда и не делся – паника подступает даже тогда, когда я смотрю в рендере записи тренировок. Все, чего я смогла добиться, – лишь слабое подобие контроля над собой. Я могу лишь ненадолго загнать панику как можно глубже, не позволяя ей одержать верх, но уже ближе к концу тренировки она, набравшись сил, неизбежно отвоевывает свои позиции, покрывая мое тело нервным потом, заставляя руки дрожать, заставляя меня вздрагивать при каждом выстреле, даже если стреляю не я.

Но прогресс все же есть. По крайней мере, в начале тренировки я уже попадаю по мишеням, выдавая достаточно неплохие результаты, но вот то, чем все заканчивается...

Возвращение в отряд уже совсем близко. Мне необходимо поторопиться, поэтому надо переходить к настоящей стрельбе, ведь при всей своей правдоподобности рендер не способен передать все нюансы реальности. Мне нужен боевой пистолет, а не кусок пластика, который я держу в руках во время тренировок в рендере. Взять из арсенала пистолет сможет только капрал, поэтому, когда меня навещает Риц, я прошу передать Соларе записку.

На следующий день Пат приходит ко мне с коротким ответом: «Зайду послезавтра».

* * *

– Сосредоточься. – Наблюдая за мной, Константин усмехается. – Даю подсказку: еще два предмета.

На его рабочем столе царит хаос, здесь в несколько раз больше вещей, чем обычно, и теперь они разбросаны. Ничто не напоминает о прежнем порядке.

Немного подумав, я меняю местами стакан и бутылку с питьевой водой.

– Почти, – говорит доктор, поглядывая на часы.

Кладу бутылку набок, очень осторожно, чтобы она не покатила по столу.

– Теперь все верно. Ровно три минуты. – Он улыбается. – Еще раз?

Я киваю. Константин меняет предметы местами, убирая некоторые из них, затем отходит назад. Окинув стол долгим взглядом, я поворачиваюсь к нему спиной.

Упражнения на развитие зрительной памяти обычно проходят в рендере: сначала демонстрируется помещение, а потом, через затемнение, оно показывается еще раз, уже с небольшими изменениями, которые нужно выявить как можно быстрее. Но после микроинсульта Юна я решила как можно реже пользоваться рендером, особенно в тех случаях, когда можно найти альтернативу. К моему удивлению, Константин, отдохавший после проведения очередной операции, встретил мою просьбу с энтузиазмом, позволив на своем рабочем столе бардак.

В ход пошли все мелкие предметы, что попались под руку. Я даже подумала, что Константин согласился так быстро только потому, что потом ему придется убираться на столе, а сам процесс наведения порядка действует на него успокаивающе... Впрочем, как оказалось позже, мое предположение было ошибочным.

Упражнение оказалось неожиданно сложным, возможно, из-за того, что на столе находилось слишком много предметов. В первый раз я долго не могла восстановить их исходное положение. Когда после моего десятиминутного созерцания стола Константин, лучась самодовольством, сказал, что неправильно лишь то, что я поставила кружку слишком близко к краю стола, то я, немного всплыв, предложила ему поменяться местами.

Когда я перемешала все предметы, лежащие на столе, у него ушла минута на то, чтобы вернуть столу изначальный вид.

Когда я поменяла местами лишь два предмета из общего хаоса – семь секунд.

Когда я на какой-то несчастный сантиметр подвинула протеиновый батончик, лежавший в центре стола, ему понадобилось две секунды.

«Фотографическая память – в ответ на мой ошеломленный взгляд, явно забавляясь, пояснил он, разворачивая батончик и надкусывая его. – Кто из нас тут тренируется, ты или я? Твоя очередь», – сказал он.

– Готово, – говорит Константин, и я поворачиваюсь. Положение предметов на столе не изменилось, но их стало меньше.

– Вы убрали шприц-пистолет, коробку с ампулами, два синих флакона, зеленый флакон с узким горлом... – медленно перечисляю я, – и еще стакан. А, и ту круглую металлическую штуку... – Я заминаюсь, потому что даже не знаю названия того предмета.

– Это была горелка. – Константин приходит мне на помощь. – Что еще?

Я прикрываю глаза, пытаюсь восстановить в памяти изначальный набор предметов.

– Подставка под стакан! – восклицаю, наконец-то вспомнив. Кажется, я уже назвала все, что нужно, но Константин продолжает смотреть на меня, явно ожидая услышать что-то еще. Вздохнув, я возвращаюсь к изучению предметов на столе.

– Ты назвала то, что было убрано. А что я добавил? – Да, определенно, Константину это упражнение нравится куда больше, чем мне.

Подсказка только все усложняет. Мне кажется, что на столе нет ничего, чего бы я не видела на нем прежде. Может, доктор добавил еще одну пачку таблеток... впрочем, нет, их было три с самого начала упражнения.

Наклоняюсь к столу, внимательно рассматривая лежащие на нем предметы. Записная книжка, ножницы, визор, банка с массажным гелем, мой идентификационный браслет, моя резинка для волос, наушники из рендер-набора...

Браслет.

Я возвращаюсь к нему. Нет, не показалось. Тот браслет, что я сняла со своего запястья, напоминает о моем падении всякий раз, когда я смотрю на дисплей и вижу немного стесанный пластик. Этот же браслет выглядит совершенно новым: никаких изъянов, никаких напоминаний. Присматриваясь, замечаю и другие отличия: этот браслет темнее моего и шире примерно на полсантиметра.

– Ты справилась. – Со стороны доктора раздаются хлопки в ладоши. Я выпрямляюсь и поворачиваюсь к Константину, который протягивает мне мой браслет.

– Почему они не одинаковые? – спрашиваю я, выкладывая браслеты на стол рядом друг с другом.

– Разные модификации. Основное различие – объем внутренней памяти. С таким, как у меня, – доктор постукивает ногтем по своему браслету, – ходят только Совместимые, потому что его память позволяет сохранить актуальную копию профиля для медицинского модуля. Но этих браслетов на складе оказалось не так уж и много, поэтому те, у кого нет профиля совместимости, носят такие, как у тебя. У твоего память меньшего объема, но для хранения нужной информации этого более чем достаточно.

«Нужная информация». Я не тороплюсь защелкивать браслет на запястье, рассматривая его и думая о том, что здесь, в виде досье, в виде набора сухих фактов и медицинских параметров, хранится вся моя жизнь. Такие же браслеты носят silenty...

Такой же браслет был у Гаспара.

Когда я была Смотрителем, то отслеживала данные с браслетов с помощью программы, которая уже была установлена на тот планшет, что мне удалось выторговать у техников. Видимо, программа стандартная – я обнаруживаю ее и на планшете Берта.

Код браслета Гаспара я до сих пор помню наизусть.

Время останавливает свой ход, когда на экране высвечивается фраза «в сети». Мгновение растягивается до бесконечности – я вижу, как медленно, словно нехотя, проступают зеленые буквы, как они набирают яркость...

Бесконечность обрывается, когда меня настигает понимание: конечно же, браслет Гаспара уже давным-давно достался кому-то другому. Вдруг, повинувшись безотчетному порыву, я поворачиваю свой браслет к свету, чтобы увидеть его код, ряд мелких цифр и букв, выгравированный на внутренней стороне, чтобы убедиться...

Разница лишь в предпоследней цифре.

* * *

Солара приносит мне пистолет только после продолжительной беседы. Пришлось убедить ее, что он мне необходим, и заверить, что я собираюсь тренироваться в стрельбе только

в помещении, где стены закрыты толстым слоем изоляции, которая не допустит рикошета. О том, что там еще есть несколько десятков мониторов и серверные блоки, я предпочла умолчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.